

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПРОНИКНОВЕНИИ АНГЛИЦИЗМОВ В ЯЗЫК НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЫ

В наш век уже никого не приходится убеждать в пользе торговой, или, как её называют, экономической рекламы — средства информации потребителей о новых товарах, их достоинствах, полезных свойствах. Реклама, освобожденная от влияния погони за прибылью, может стать надежным советчиком потребителя и помощником торговых работников. Поэтому не удивительно, что интерес к рекламе возрастает у психологов [см.: 6], у учёных, занимающихся психолингвистикой [см.: 1, 4], у лингвистов [см.: 2, 7, 8].

Язык рекламы представляет собой одну из сложных и спорных проблем. К рекламным текстам предъявляются особые требования, так как с их помощью люди получают определенные знания и представления о новых товарах. Поэтому язык рекламы должен быть всегда правдивым, образным, действенным. Тексты рекламы должны отличаться краткостью, точностью, быть броскими, оригинальными.

Настоящая статья посвящена одному из частных вопросов языка рекламы — проникновению англицизмов в немецкий язык рекламы, так как этот вопрос остался почти вне поля зрения исследователей.

По сфере функционирования подязык рекламы отличается от других подязыков. Если, например, такие иноязычные элементы, как *begin, end, real, integer, array, go to* и др., функционирующие в вычислительной технике, известны лишь узкому кругу специалистов (хотя эти термины успели стать интернациональными), то иноязычные лексические единицы, появляющиеся в рекламе, быстро становятся достоянием широкого круга носителей языка, и, следовательно, они могут быстрее ассимилироваться и войти в словарный состав языка.

Проникновение англицизмов в немецкий язык рекламы является в настоящее время довольно заметным явлением. Однако здесь следует говорить не о рекламе вообще, а об отдельных видах и областях рекламы. Мы не часто, например, встретим англицизмы в языке политической рекламы или в рекламных текстах по сельскому хозяйству. Социально-экономические условия современной Англии и её политическая жизнь в настоящее время не дает миру большого количества новых понятий, а следовательно, и новых слов, обозначающих эти понятия. Англицизмы, характеризующие социально-экономические условия жизни прошлого, пополнили в свое время словарный состав немецкого языка. Реклама по сельскому хозяйству лексически более ограничена и уступает торговой, где рекламируются многие предметы потребления, косметики, модели сезона, кино, спорт, модная музыка, программы телевидения, блюда, напитки. Во многих просмотренных журналах «Für Dich» почти не нашла

себе места реклама сельско-хозяйственной тематики, вот один пример:

Keim-Stop 865

Achtung! Kartoffeleinkellerung!

Keim-Stop zwischen die verlesenen Kartoffeln streuen!

Как известно, определенную роль в процессе ассимиляции играет звучание слова и его фонеморфологическая структура. Легче всего закрепляются и ассимилируются иноязычные основы, которые внешне напоминают основы данного языка [см.: 3]. Интересным примером здесь является образование сложных слов, где один компонент немецкий, а другой — английский, т. е. вся лексическая единица воспринимается как единое целое, структурно не отличается от аналогичных образований немецкого языка, например:

а) первый элемент — английское слово, второй — немецкое. Имена существительные: Campinghemd, Campingbeutel, Campingstuhl, Campingfreund, Babyhaar. Имена прилагательные: supermodisch, supereinfach.

б) первый элемент — немецкое слово, второй — английский: Haartonic, Wäschebox, Musikbox, Lesertip.

На материале подязыка рекламы в немецком языке можно отметить столкновение двух тенденций. Это, с одной стороны, проявление пуризма, а с другой — проникновение в немецкий язык интернациональной лексики. Пуристам старших поколений немецкий язык обязан многими громоздкими словами. Но в период развития науки и техники, роста интернациональных связей между народами наличие в немецком языке таких слов, как Rundfunk и Fernsehen, вместо Radio и Television, ставших интернациональными во многих языках мира, свидетельствует о сильном воздействии пуризма в прошлом. Через рекламу в немецкий язык вошли в последнее время некоторые англицизмы, ставшие интернациональными: pullover, hobby, camping, несмотря на то, что последние два слова имеют лексические соответствия в немецком языке: Steckenpferd, Zeltlager. Вместо неудобного слова Fernsehgerät или более благозвучного Fernseher из рекламы в обиходную речь входит английское сокращение TV [ˈti: — ˈvi:].

В лексико-стилистическом плане подязык рекламы отличается от других подязыков. Рекламная аттрактивность здесь на первом плане: Der Trenchcoat ist ein Allzweckmantel. Moderne Pullis in allen Farben. Overalls sind ganzteilige Anzüge passend für schlanke Frauen.

Язык рекламы и моды часто содержит элитивы и экспрессивно окрашенную лексику. Эта лексика гиперболизирует достоинства какого-либо предмета, например: Attraktiv zum klassischen Trenchcoat ist der lange Schal; superchic, supermodisch; Supereinfach mit Super 8 (основа super — давно уже служит целям рекламы не только в торговой, но и в политической жизни, в лексике военной техники: Superman, Superprofite, Superbomber). Многие названия паст

для химической чистки тканей имеют в своем составе английское dry, например: Dry-ess.

Кроме вышеуказанных заимствований, можно назвать английские заимствования в рекламах косметики: Bürsten für Babyhaar, Naartonic, Spray, spraysen, Keralock-Super, make-up.

Частым в рекламе ГДР и ФРГ стало сокращение TV, англо-американизмы: Show, Hit, Beat, Shop; TV-Programm in der DDR («Neues Deutschland»); TV-total verrückt («Für Dich»); TV im Blickpunkt («Unsere Zeit»); TV-Show, Live-Show, Showgirl, Hit-Sängerin, Hit-Liste, Interhotel-shop.

Следует указать на частотность употребления Hobby и Tip: «Ein Kleingarten — umzäuntes Idyll oder gesundes Hobby zum Nutzen aller»; Katrin-Tip der Woche; Fototip vom Leser; Lesertip; Solide Tips für Möbelbastler; Ein Modetip, der immer stimmt; Für den Urlaub einen Tip mehr.

Язык торговой рекламы — чрезвычайно интересное социальное явление, требующее совместного изучения силами нескольких наук, так как «современное языкознание представлено комплексом дисциплин (интралингвистики, философии языка, психоллингвистики, социоллингвистики), которые, подвергая рассмотрению разные стороны языка, находятся в дополнительном отношении друг к другу и только в своей совокупности способны адекватно отражать все его свойства» [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. — В сб.: Проблемы структурной лингвистики. М., Изд-во АН СССР, 1963. 282 с.
2. Киселёва Н. Н. Становление словообразовательных новообразований (на материале печатной бытовой рекламы современного немецкого языка). — В сб.: Теоретические вопросы немецкой филологии (лексикология, стилистика). Изд-во Горьк. пед. ин-та, 1974, с. 42—51.
3. Левковская К. А. Лексикология немецкого языка. М., Учпедгиз, 1956. 247 с.
4. Леонтьев А. А. Психоллингвистика. Л., «Наука», 1967. 116 с.
5. Никольский Л. Б. О предмете социоллингвистики. — «Вопр. языкознания», 1974, № 1, с. 60—67.
6. Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 206 с.
7. Розен Е. В. Новое в лексике немецкого языка. М., «Просвещение», 1971. 175 с.
8. Тарасов Е. Ф. Вопросы описания и интерпретации функциональных стилей. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1964. 24 с.

В. Н. МОЛОДЕЦ

КЛАССИФИКАЦИЯ ВАРИАНТОВ НЕМЕЦКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

При классификации вариантов немецких лингвистических терминов мы опирались на схему О. С. Ахмановой [см.: 1]. Кроме предложенных ею двух категорий вариантов (фонетических и морфологических) общеупотребительных русских слов, мы обнаружили

среди немецких лингвистических терминов еще две категории: а) орфографические варианты, возможность выделения которых предсказала О. С. Ахманова, и б) синтаксические варианты (по аналогии их выделения А. В. Куниным в общепотребительных фразеологических единицах английского языка) [см.: 2]. Материал, иллюстрирующий все четыре категории нашей классификации, мы взяли из составленного нами русско-немецкого словаря лингвистических терминов. Нами собрано 35 тыс. немецких лингвистических терминов, среди которых зафиксировано 2054 варианта (или около 1 тыс. вариантных пар и групп), что составляет 5,8%. Вместе же с названиями языков число вариантов превышает 8% всех немецких лингвистических терминов [см.: 3].

I. Фонетические варианты слов. Среди рассмотренных нами немецких терминов обнаружена группа существительных мужского и среднего рода с суффиксом *-tív*, в которых ударение падает либо на этот суффикс, либо на корень. Количество таких акцентологических вариантных пар не превышает 20, все они однотипны. К ним относятся заимствованные из латинского языка названия частей речи и некоторые другие термины, у которых первоначально ударение падало на предпоследний слог. Однако со временем латинские слова ассимилировались в немецком языке: они отбросили чужие окончания, но первоначальное ударение осталось на прежнем месте, оказавшись, таким образом, на последнем слове, например: *substantív* — *Substantív*, *adiectívum* — *Adjektiv*. В дальнейшем под влиянием правила, согласно которому в немецком языке ударение падало, в основном, на начальный слог слова, ударение в терминах, заимствованных из латинского языка, переместилось на начало слова: *Substantív* — *Súbstantív*, *Adjektiv* — *Ádjektiv*. Поэтому в настоящее время в этих словах ударение может падать либо на первый слог, либо на суффикс *-tív*, например: *Aktiv* — *Áktiv*, *Infinitív* — *Infinitiv*, *Komparatív* — *Kómparativ*, *Perfekt* — *Pérfekt* (всего 20 вариантных пар).

II. Морфологические варианты слов. Анализ показывает, что морфологических вариантов в немецкой лингвистической терминологии имеется большое количество, делятся они на множество подгрупп.

1. Некоторые термины и терминологические словосочетания, заимствованные, в основном, из латинского и греческого языков, уже длительное время сохраняют свое исконное звучание и частично графику, например: *genus verbi*. Примечательно, что по-немецки первое из этих двух латинских существительных может писаться с большой буквы для обозначения термина, рассматриваемого не как словосочетание, а как единая лексема, выраженная двумя словами: *das Genus verbi*. Одновременно в иноязычной и немецкой форме употребляются термины, редко встречающиеся, для которых немецкая форма не стала единственной, например: *ablativus* — *Ablativus* — *Ablativ*, *casus obliquus* — *obliquer Kasus*, *cliché* — *Klischée*, *liaison* — *Liaison*, *nomen instrumenti*, *nomen instrumentale* — *instrumentaler Na-*

12. Большинство терминов, образованных прилагательными и причастиями с разными суффиксами или с суффиксами и без них, создают пары благодаря наличию латинского или немецкого суффиксов либо двух разных латинских или немецких суффиксов, например: *assimilativ* — *assimilatorisch*, *signifikant* — *signifikativ*, *abänderlich* — *abänderbar*. Некоторые пары возникают вследствие калькирования латинского образца с использованием полусуффиксов, как в парах: *impersonal* — *unpersönlich*, *deklinabel* — *deklinierbar*. Бывают случаи, когда немецкий суффикс присоединяется к латинскому, как, например, в парах: *imperativ* — *imperativisch*, *faktiv* — *faktivisch*. Это, по-видимому, происходит с целью большего отграничения прилагательного от соответствующего существительного. Приводим несколько иллюстраций из списка: *adverbial* — *adverbiell*, *grammatisch* — *grammatikalisch*, *synonym* — *synonymisch* (всего 76 пар и групп вариантов).

13. Варианты, образованные прилагательными и причастиями с разными префиксами, малочисленны, разнородны по структуре: здесь и немецкие префиксы, и иноязычные: *ein behauchter Laut* — *ein gehauchter Laut*, *beiordnend* — *nebenordnend*, *bisyllabisch* — *disyllabisch* (всего 9 пар вариантов).

14. Прилагательные и причастия с одновременно измененными суффиксами и префиксами, например: *schwachbetont* — *schwachtonig*, *indeklinabel* — *undeklinierbar* — *nichtdeklinierbar* (всего 14 пар и групп вариантов).

15. Среди терминов, выраженных прилагательными и причастиями в роли определения и соответствующими детерминативными компонентами сложных слов, имеются названия языков, например: *bengalisch* — *Bengali-*, *antonymisch* — *Antonymen-*, *mundartlich* — *Mundart-*, *reibend* — *Reibe-* (всего 25 пар вариантов).

16. Нами выявлены всего две родственных пары вариантов, возникших вследствие тождественности значений положительной и сравнительной степеней: *die enge Bedeutung* — *die engere Bedeutung*, *Bedeutungsverengung* — *Bedeutungsverengerung*.

17. Варианты, представленные глаголами с разными префиксами и суффиксами, по своему происхождению являются, в основном, немецкими словами, выражающими такие понятия, как *склонять*, *спрягать*, *онемечивать* и др.: *abbeugen* — *beugen*, *eindeutschen* — *umdeutschen*, *jotisieren* — *jotieren* (всего 8 пар вариантов).

Таким образом, в системе немецкой лингвистической терминологии нами обнаружено 580 пар и групп морфологических вариантов (без учета вариантов названий языков и вариантов сложных слов с разными соединительными элементами).

III. Орфографические варианты.

1. Написание через дефис — слитное написание. Оба способа орфографии очень живучи и длительное время сосуществуют в языке, поскольку написание сложных слов через дефис помогает проследить их этимологию, а слитное написание лучше оформляет их

в единые лексемы. Например: Ach-Laut — Achlaut, a-la-Mode-Zeit — Alamodezeit, Ein-Wort-Satz — Einwortsatz, Null-Kopula-Nullkopula (всего 15 пар вариантов).

2. Различная транслитерация слов иноязычного происхождения, образуя большую группу терминов, происходила в разное время и затем все более уточнялась. Постепенно в иноязычных словах, главным образом латинских, греческих, французских и английских, исконные буквы и буквосочетания были заменены на немецкие (с — k или z, v — w, ph — f, ou — u, u — ü, eug — ör, or, ch — tsch). Варианты возникают потому, что немецкая орфография до сих пор допускает двойное (старое и новое) написание в таких словах: Code — Kode, Doublette — Dublette, Occidental — Okzidental, Sketch — Sketsch (всего 50 пар и групп вариантов).

3. Разное написание числительных в лингвистической терминологической номенклатуре (числами и буквами): Futurum I — Futurum eins, die I. Person — die erste Person (всего 20 пар вариантов).

IV. Синтаксические варианты.

1. Варианты, образуемые словосочетаниями: «определяемое существительное + определение, выраженное существительным в косвенных падежах (без предлогов и с предлогами)», или «определяемое существительное + адъективное определение» — сложные слова, например: Stamm eines Wortes — Wortstamm, Bemerkung am Rande — Randbemerkung. Среди вариантов этой группы много названий языков и диалектов, например: die mandschurische Sprache — Mandschu-Sprache, f.

Иногда варианты пары образуются за счет сочетаний «прилагательное — определение + определяемое существительное — производное существительное», например: ein kausales Verb — Kausativum, п., ein Adverb des Modus, ein modales Adverb — Modaladverb, die deutsche Sprache der Gegenwart — die deutsche Gegenwartsprache, der fallende Ton — Fallton, ein abgebrochener Satz — Satzabbruch, ein wortbildendes Morphem — Wortbildungsmorphem (всего 135 пар и групп вариантов).

2. Перестановка компонентов копулятивных сложных слов влечет создание вариантов, которые А. В. Кунин называет «позиционными». Компоненты таких слов имеют абсолютно равное значение, и перемена их мест не сказывается на содержании всего термина, например: baltisch-slawisch — slawisch-baltisch, Lippenzahnlaut — Zahnlippenlaut (всего 3 пары вариантов).

3. Полные варианты — варианты, лишенные определенных «кусков» звуковой материи (А. В. Кунин называет их «квантитативными вариантами»). Ненужными «кусками» в отдельных терминах могут выступать часто употребляемые компоненты сложных слов, например: -laut в названиях звуков: Frikativlaut — Frikativa; -sprache в названиях языков: Zendsprache — Zend; -verb — в названиях разновидностей глаголов: Kausativverb — Kausativ; -pronomen в классификации местоимений: Demonstrativpronomen — Demonstrativ, Possessivpronomen — Possesiv.

Иногда компоненты сложных слов, лишенные «кусков», принимают суффиксы, например: *Separatdruck* — *Separatum*. «Кусками» могут быть и суффиксы в отдельных терминах: *Steigerungswort* — *Steigerwort*. Тот факт, что отдельные «куски» звуковой материи можно изымать, свидетельствует о стремлении языка к экономии средств и о равнозначности сокращенных вариантов полным (расширенные варианты лишь точнее называют данное понятие). Полные и сокращенные формы терминов в немецком языке многочисленны, так как в нем имеется большое количество сложных и простых слов, являющихся компонентами этих образований, например: *Akzentzeichen* — *Akzent*. Однако из некоторых сложных слов изымать «куски» нельзя, ибо это приводит к изменению и даже искажению смысла, например: *Zahnlippenlaut* — не *Zahnlaut* и не *Lippenlaut*. Дело в том, что подобные «куски» звуковой материи не просто относят данное сложное слово к тому или иному разряду звуков (например, гласным или согласным), а характеризуют сам звук как единственный в своем роде. Приводим несколько иллюстраций из списка: *Bruchzahlwort* — *Bruchzahl* — *Bruch*, *Halszäpfchen-R* — *Zäpfchen-R*, *Palatallaut* — *Palatal*, *die schöngeistige Literatur* — *die schöne Literatur* (всего 175 пар и групп вариантов).

4. Варианты, возникшие в результате трансформации словосочетаний: *eine verbale Personalendung* — *die Personalendung eines Verbs*, *die vollendete Gegenwart* — *die Vollendung in der Gegenwart* (всего 3 пары вариантов).

Итого нами обнаружено 332 пары и группы синтаксических вариантов в системе немецкой лингвистической терминологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А х м а н о в а О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз РСФСР, 1957, с. 192—230.
2. К у н и н А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины. — *Англо-русский фразеологический словарь*. Т. 2. М., «Сов. энциклопедия», 1967, с. 1233—1264.
3. М о л о д е ц В. Н. О некоторых принципах составления русско-немецкого словаря лингвистических терминов. — *Вестн. Харьк. ун-та. Иностр. яз.*, 1976, вып. 9. с.

Э. А. НЕПОМНЯЩАЯ

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВОВ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одной из важнейших проблем, возникающих при изучении иностранного языка в высшей школе, является проблема мотивации учения¹. В связи с этим представляются чрезвычайно актуальными

¹ Основные теоретические аспекты этой проблемы рассмотрены нами в статье «Проблемы мотивации учебной деятельности по иностранному языку. — *Вестн. Харьк. ун-та*», 1976, № 129. Иностр. яз., вып. 9. В настоящей статье мы останавливаемся на некоторых вопросах формирования мотивации учебной деятельности в ходе экспериментального обучения.

вопросы управления процессом формирования мотивов учебной деятельности на начальном этапе обучения в вузе. Задача эта может быть успешно решена путем создания таких педагогических условий, которые обеспечат формирование внутренних мотивов учения.

С этой целью на протяжении ряда лет осуществлялось экспериментальное обучение студентов 1-го курса экономического факультета Харьковского университета. В качестве предмета экспериментального обучения было избрано умение извлекать информацию из иноязычного текста. Исходя из концепции поэтапного формирования умственных действий была организована учебная деятельность, направленная на овладение способами действий по извлечению информации из иноязычного текста, способами работы над языком текста и различными его параметрами. Мы ограничились обучением чтению-просмотру, т. е. тому виду чтения, который чаще всего используется специалистами. Целью учения здесь было овладение способами действия, мотивами — стремление овладеть этими способами.

Известно, что в функциональной характеристике действия решающее значение имеет его ориентировочная часть. Поэтому перед нами стояла задача — выявить основные компоненты ориентировочной части действия по извлечению информации.

Психолингвистический анализ качественного своеобразия действия по извлечению информации из иноязычного текста при просмотрном чтении, анализ статей различного вида из разных областей знаний, логико-смысловой анализ текста, а также данные информатики позволили нам выделить информационно-смысловую структуру текста, ее части:

титulusные элементы (выходные данные о журнале: название журнала, издательства, год издания, выпуск, серия);

фамилия автора, заглавие статьи, аннотация, введение;

первая часть статьи, в которой обычно излагается история вопроса, формулируется задача, цели, методика исследования и т. п.;

вторая, основная, часть, излагающая суть научного исследования (она обычно состоит из тезисов, в которых формулируется гипотеза, теоретические положения, и из аргументов, где описываются экспериментальные данные, приводятся эмпирические материалы, иные доказательства);

последняя часть: выводы, заключение. Как правило, в конце статьи приводится библиография.

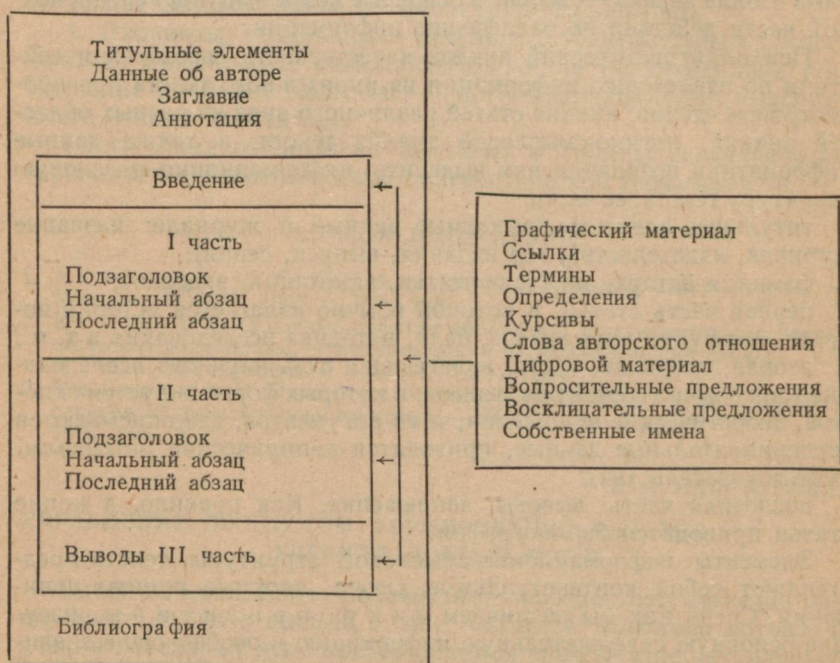
Элементы информационно-смысловой структуры текста представляют собой контекстуальные ключи, опорные пункты понимания. Среди них мы различаем м а к р о о р и е н т и р ы, несущие основную содержательную информацию и обобщающие значительные части текста, и м и к р о о р и е н т и р ы. К первым относятся: фамилия автора, заглавие, аннотация, введение, подзаголовки, начальные и конечные абзацы частей (параграфов), графический материал, выводы, библиография, ссылки.

Под микроориентирами мы понимаем следующие элементы: ключевые термины, слова авторского отношения, курсивы, определе-

ния, цифровые данные, собственные имена, вопросительные и восклицательные предложения. Не все перечисленные ориентиры с одинаковой необходимостью присутствуют в каждом тексте, т. е. о них можно говорить как об обязательных и факультативных. К первым относятся титульные элементы, фамилия автора, заглавие, введение, подзаголовки, начальный абзац, конечный абзац части (параграфа), выводы, библиография, ссылки. К факультативным относятся цифровые данные, графический материал, слова авторского отношения, курсивы, имена собственные, вопросительные и восклицательные предложения. В любом тексте присутствует либо часть, либо все перечисленные факультативные ориентиры. Практически нет текстов без этих ориентиров. Наборы макро- и микроориентиров аксиоматичны, с ними всегда сталкивается специалист при просмотре чтения. Они позволяют экономно определить наличие нужной и представляющей интерес информации, не прибегая к сплошному чтению.

Таким образом, модель-схему структуры текста можно представить в следующем виде:

Представленная модель-схема структуры текста, эмпирические наблюдения, беседы, анкетирование специалистов позволили разработать алгоритм извлечения информации.

Для того, чтобы сделать вывод об информативной ценности статьи, студенту предлагаются следующие шаги. Прежде всего, прове-

ритель, дают ли титульные элементы и данные об авторе достаточно сведений для определения проблемы. Читатель формулирует вопрос к текстовому субъекту (о чем говорится в тексте) и ищет на него ответ. Затем читающий обращается к заглавию и аннотации, чтобы получить ответ на вопрос о теме текста. Если невозможно получить достаточно информации по этим элементам, следует обратиться к выводам. Как правило, этих пяти макроориентиров бывает достаточно для того, чтобы получить ответ: статья «нужна», «не нужна». В противном случае нужна дополнительная информация, т. е. читающему предлагается вернуться к началу статьи и просмотреть введение, первую и вторую части, опираясь при этом на указанные ему макро- и микроориентеры.

Выделенные, таким образом, основные компоненты ориентировочной части действия по извлечению информации — модель структуры текста и алгоритм действий по извлечению содержащейся в тексте информации — послужили объектом формирования на начальном этапе обучения.

Решая задачу формирования такого сложного умения, как умение извлекать информацию, следует иметь в виду его специфику, учитывать, что «понимание текста представляет собой функцию ряда переменных, из которых одна характеризует субъекта, читающего текст, другая — сам текст» [см.: 1]. Мы полагаем, что разработанная схема извлечения информации, содержащая оптимальный набор ориентиров, дает широкие возможности обучающемуся: исходя из своих знаний, опыта, способностей, а также учитывая своеобразие данного текста, он может найти такое сочетание ориентиров, которое обеспечит качественное и экономное извлечение информации.

Построенный алгоритм имеет большие компенсаторные возможности опознания языкового материала, основанные на том, что, с одной стороны, проявляется индивидуальность личности читающего, причем не только его знания, способности, но и присущая ему методика работы, с другой стороны, используется специфика текста. При этом создаются условия развития творческих подходов к овладению языковыми знаниями и умениями [см.: 2].

При организации учебной деятельности важную роль играет способ вовлечения в нее учащихся. В ходе экспериментального обучения перед испытуемыми ставилась серия учебных задач профессионального характера. Начальным моментом учебной деятельности становится потребность в решении учебных задач, направленных на поиск и извлечение информации, необходимой для углубленного изучения специальных дисциплин, информационного обеспечения учебно-исследовательской работы (написание рефератов и докладов в рамках СНО, курсовых работ и т. п.). Заданная, таким образом, «ближняя цель» приближает, делает осязаемой «дальнюю цель», порождает мотив профессионального характера. Возникновение профессионального мотива и организация учения, основанного на ориентировочно-исследовательской деятельности в отношении

самого языка, порождает и мотив к самому процессу извлечения информации, лингвистической деятельности, т. е. мотив познавательного характера.

Мотивационные аспекты поведения испытуемых определялись, с одной стороны, результатами деятельности, с другой — характером самого учебного процесса. Результаты деятельности характеризовались: 1) скоростью чтения, 2) полнотой понимания, 3) успеваемостью в отношении умений, которые не были объектом экспериментального учения (грамматические умения), 4) степенью устойчивости и обобщенности действий по извлечению информации. Характер учебного процесса определялся инициативностью, дисциплинированностью и эмоциональной стороной учения.

Количественные данные по названным параметрам свидетельствуют о значительном улучшении собственно учебных умений. Скорость чтения возросла в среднем в четыре раза, полнота понимания — на 30—33%. Резко повысился интерес к самому учению, инициативность (дополнения ответов товарищей, постановка вопросов, направленных на углубление знаний, желание взять дополнительное задание, стремление включиться в анализ и пр.) возросла более чем в три раза. Показатели дисциплинированности в экспериментальной группе примерно в два раза выше, чем в контрольной.

Проведенное экспериментальное обучение позволяет наметить перспективы управления учебным процессом, основанного на выявлении и создании педагогических условий воспитания внутренних мотивов познавательной деятельности и с определенной модификацией может найти применения в отношении других общеобразовательных дисциплин в вузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клычкова З. И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. М., «Просвещение», 1973. 137 с.
2. Леонтьев А. А. Ориентировочная деятельность при понимании иноязычного текста. — В сб.: Иностранные языки в высшей школе, 1975, вып. 10, с. 10—15.
3. Непомнящая Э. А. Проблемы мотивации учебной деятельности по иностранному языку. — «Вестн. Харьк. ун-та», 1976, № 129. Иностр. яз., вып. 9.

В. Д. НИКОЛАЕВА

К ВОПРОСУ О ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВАХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение особенностей разговорной речи является очень важной проблемой современной лингвистики и требует решения ряда проблем, а также более точного определения таких понятий, как разговорная и диалогическая речь, реплика, диалогическое единство и т. д.

Современный английский язык существует в двух постоянно взаимодействующих функциональных разновидностях или формах: в форме литературной речи и в форме разговорной речи.

Разговорная речь в большинстве случаев представлена в форме устной речи, которая по своей природе диалогична и является самой распространенной формой общения. Следовательно, возникает необходимость изучения диалога. Функция разговорной речи — непосредственное общение, поэтому она существует в определенных условиях личного контакта собеседников. Л. П. Якубинский характеризует эти условия как «непосредственные формы зрительного и звукового восприятия собеседников, которые оказывают влияние на восприятие речи и на само говорение». Он считает, что «восприятие и понимание при непосредственном общении требует меньшего количества слов, достаточными бывают простые намеки» [12]. Таким образом, согласно положению Якубинского, прямой характер восприятия, возможность использования мимики, жестов и интонации — те условия коммуникации, которые влияют на структуру разговорной речи.

Профессор А. И. Гвоздев, подчеркивая эмоциональную окраску и выразительность разговорной речи, считает одной из особенностей разговорного синтаксиса «наличие таких высказываний, которые нельзя признать предложениями, а также нельзя определить их границы» [5].

Для разговорного синтаксиса характерны лаконичные и эллиптические предложения, преобладание простых грамматических конструкций над сложными. Синтаксис разговорной речи более свободен, менее привязан к правилам, более индивидуален, чем синтаксис письменной речи.

Разговорная речь существует в двух формах: в форме диалога и в форме монолога. Многие русские и западные лингвисты отмечают, что самая характерная черта разговорной речи — ее диалогическая природа. Считая диалог и монолог двумя компонентами разговорной речи, мы не можем не видеть, что в повседневной речи более употребим диалог. Академик Л. В. Щерба указывает, что именно в диалоге возникают новые слова, формы и фразы. Язык развивается и изменяется большей частью в диалоге, тогда как монолог является большей частью искусственной языковой формой, а диалог обычно предшествует ему или следует за ним [см.: 11]. Л. П. Якубинский считает диалог более прогрессивной формой по сравнению с монологической речью. По его мнению, изучение диалога поможет проследить изменения в языке. В основе диалогической речи, пишет Н. Ю. Шведова, лежит свойство реплик порождать в процессе коммуникации друг друга [см.: 10].

Таким образом, диалогом, по определению Е. А. Трофимовой, является обмен высказываниями между двумя или более собеседниками, что предполагает быструю и прямую реакцию на слова собеседника [см.: 8].

Как уже было указано, предложения диалога, как быстрая и прямая реакция на предыдущее высказывание, представляют собой серию взаимосвязанных высказываний, которые порождают одно другое. Совершенно очевидно, для того, чтобы проследить структуру диалогической речи, следует изучить эти высказывания в их связи. Они называются репликами диалогической речи. Реплика не идентична предложению, так как предложение наиболее закончено грамматически. Реплика может включать несколько предложений. В свою очередь, предложение синтаксически может быть распределено между двумя репликами.

— I'm not a kid. I'm sixteen.

— And old enough to have better manners (Mona Brand «Better a Millstone», p. 168).

Определение реплики как элемента речи обязательно включает связь с соседними репликами, предшествующими или последующими. Отсюда следует, что для более четкого определения структурных особенностей реплик реплику надо изучать не изолированно, а в связи с другими репликами. Так было выделено диалогическое единство. Две связанных между собой реплики Н. Ю. Шведова называет «единым синтаксическим целым», части которого связаны между собой согласно определенным правилам синтаксической зависимости. С. С. Беркнер на материале английского языка характеризует диалогическое единство как комбинацию ряда реплик, связанных семантически и синтаксически [см.: 3]. Он анализирует синтаксис диалогической речи, некоторые случаи взаимодействия реплик внутри диалогического единства. Ценность этой работы состоит в том, что впервые в истории английской лингвистики были исследованы те структурные особенности разговорного английского языка, которые обуславливаются диалогической формой общения.

Реплики-подхваты и реплики-повторы являются специфическими разговорными моделями, которые возникают как следствие диалогической формы разговорной речи, ее выразительности и эмоциональной окраски.

Г. А. Вейхман ставит вопрос о синтаксическом единстве и соотношении между синтаксическим и диалогическим единством [см.: 4].

Таким образом, вопрос о выделении в разговорной речи элемента, большего, чем реплика, и об изучении структурных особенностей диалога внутри большего единства — диалогического единства (ДЕ) был поставлен рядом как русских, так и английских ученых.

Следовательно, возникает проблема изучения реплик и их корреляции синтаксического единства разговорной речи — диалогического единства. Проблема изучения структурных средств внутри диалогического единства является частью проблемы изучения путей выражения взаимосвязи между отдельными предложениями внутри сверхфразового единства.

Сверхфразовые единства (СФЕ), по определению Н. А. Турма-

чевой, — это структурно-семантическое единство, которое состоит из нескольких отдельных предложений, объединенных определенными семантическими отношениями, выраженными в различных грамматических, лексических или стилистических формах связи, и которое функционирует как коммуникативное целое.

Пути выражения взаимосвязи предложений внутри единого синтаксического целого изучались лингвистами как на базе русского, так и английского материала, но большая часть исследований посвящена литературной речи, тогда как разговорная диалогическая речь изучалась гораздо реже, и исследования эти не очень совершенны. Многие лингвисты указывали, что реплики обычно функционируют в структуре сверхфазового единства, и, следовательно, необходимо описывать реплики диалога на уровне сверхфразовой структуры.

В настоящее время ряд научных работ посвящен проблеме изучения диалогического единства, состоящего из двух компонентов (ДЕ-2). Но большинство авторов анализируют только те ДЕ-2, в которых вторая реплика обуславливается предыдущей. Отдельные лингвисты придерживаются мнения, что единственным критерием принадлежности двух реплик к ДЕ-2 является их структурный параллелизм. Другие же доказывают, что две реплики могут составлять ДЕ, если они связаны структурными и семантическими или только семантическими отношениями.

Некоторые работы, основанные на английском диалоге, посвящены или общим особенностям диалогической речи или структуре неполных предложений в диалогической речи [см.: 8].

Г. В. Беркаш исследует наиболее распространенный тип ДЕ — вопросно-ответное единство с точки зрения реализации логико-грамматической природы вопроса в этом единстве [см.: 2]. Исследовав ДЕ-2 на материале английского языка, С. С. Беркнер выдвигает идею о том, что многокомпонентные ДЕ не заслуживают внимания, потому что отношения внутри их пределов, так же как и ДЕ-2, основаны на подхвате и повторе [см.: 3].

И. П. Святогор рассматривает многокомпонентные ДЕ на материале русского языка [см.: 7].

На материале английского языка анализирует Л. С. Маркина ДЕ-4 [см.: 6]. Этот вид диалогических единств выделяется в отдельный класс коммуникативных синтаксических единств. Автор изучает такой тип ДЕ-4, в котором вопросы реплики объединены структурной последовательностью, что и выражается в неполной структуре второго вопроса реплики и соответственно в его структурной зависимости от двух предыдущих реплик.

Итак, под термином диалогическое единство мы понимаем любое сочетание реплик, находящихся в такой структурной или семантической связи, в которой предыдущая реплика обуславливает последующую и каждая последующая, с одной стороны, обуславливается предыдущей, а с другой — обуславливает следующую; последнюю же реплику только обуславливают.

В последнее время возрос интерес к изучению единств, больших, чем предложение. Однако исследование структурных особенностей ДЕ разговорного английского языка еще не завершено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев П. А. Выражение подтверждения и отрицания в ответных репликах в современном английском языке. — «Учен. зап. Крестов. пед. ин-та», 1967. Английская филология, вып. 50, с. 3—72.
2. Беркаш Г. В. Логико-грамматическая природа вопроса и ее реализация в вопросно-ответных структурах английской речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1966. 21 с.
3. Беркнер С. С. Некоторые явления взаимосвязи реплик английской диалогической речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1960. 25 с.
4. Вейхман Г. А. К вопросу о синтаксических единствах. — «Вопр. языкознания», 1961, № 2, с. 97—105.
5. Гвоздев А. И. Очерки по стилистике языка. М., Учпедгиз, 1955, с. 3—60.
6. Маркина Л. С. Четырехчленные диалогические единства (ДЕ-4) в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1973. 23 с.
7. Святогор И. П. Типы диалогических реплик в современном русском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Калуга, 1967. 86 с.
8. Трофимова Е. А. Приемы выражения взаимосвязи реплик диалогической речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1964. 19 с.
9. Турмачева Н. А. О типах формальных и логических связей в сверхфразовом единстве. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1973. 23 с.
10. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. М., 1960. 45 с.
11. Щерба Л. В. Восточнолужское наречие. Пр., 1915.
12. Якубинский Л. П. О диалогической речи. Сборник статей. Л., 1923, с. 3—18.

А. В. ОВДЕНКО, канд. филол. наук

ОБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕГО СЛЕНГА ПУТЕМ КОНВЕРСИИ

Проблема соотношения общего сленга с нейтральной общелитературной лексикой интересна не только анализом парадигматических отношений между сленгизмами и единицами нейтральной общелитературной лексики в плане полисемии-омонимии по источникам образования сленгизмов [см.: 1, с. 105], но и определением статуса тех слов, которые не могут рассматриваться в плане полисемии-омонимии, так как не имеют аналогов в нейтральной литературной лексике.

Соотношение сленга с нейтральной лексикой проявляется не только в наличии аналогов. Одна из основных линий, по которым эта связь обнаруживается, — словообразование. Будучи словами общенародного языка, сленгизмы имеют те же морфологические характе-

ристики, в частности, те же способы словопроизводства, что и единицы нейтральной общелитературной лексики: словосложение, аффиксацию, конверсию, сокращения и т. д. [см.: 2].

Сленгизмы, не имеющие прямых аналогов в общелитературном языке, изучаются нами по линии их морфологических связей с нейтральной лексикой, т. е. в плане словопроизводства, ибо продуктивные модели, которые существуют в общелитературном языке, действуют и в этом случае.

Объем данной работы не позволяет описать подробно сленгизмы, образованные по конверсии (не имеющие аналогов в нейтральной общелитературной лексике), и дать их полную и исчерпывающую характеристику. Нами рассмотрены лишь активно действующие модели образования сленгизмов по конверсии и произведен анализ словообразовательных процессов с целью определения специфики, характерной для словообразования этой категории лексики.

При определении модели как продуктивной мы учитываем неидеоматичность, выводимость результирующей единицы и количественную характеристику словообразовательного ряда, когда по образцу данной модели в языке созданы сотни производных [см.: 3, с. 21].

В современном английском литературном языке образование новых слов путем конверсии является наиболее характерным и продуктивным способом [см.: 4, с. 102; 5, с. 88; 6; 7; 8;]. То же относится к словам американского общего сленга, не имеющим аналогов в нейтральной литературной лексике. Сленгизмы, образованные по конверсии, можно рассматривать в двух аспектах, а именно: в плане их стилистической и морфологической классификации.

1. Стилистическая классификация. При этой классификации нас не столько интересует вопрос о том, от какой части речи образован данный сленгизм, сколько стилистическая принадлежность исходного слова. Такой подход позволяет рассматривать материал по двум подгруппам:

1. Сленгизмы, образованные по конверсии от нейтральных общелитературных слов. Так, от нейтрального литературного существительного *chin* — *подбородок* в общем сленге образован глагол *to chin* со значением *болтать, трепаться, разговаривать*: They all went into the office, *chinned* with Osborne, and went out again (E. Queen, *The Chinese Orange Mystery*, p. 25). От нейтрального существительного *neck* — *шея* в общем сленге образован глагол *to neck* — *целоваться и обниматься*: I don't want you to get the idea she was a goddam icicle or something, just because we never *necked* (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, p. 73).

2. Сленгизмы, образованные по конверсии от слов сленга. От сленгизма *soapbox* — *импровизированная трибуна* в общем сленге образован глагол *to soapbox*, означающий *митинговать*: Radicals and soul savers soap-boxed side by side (Mc Henry and Myers, *Home is the Sailor*, p. 349). От сленгизма *spiel* — *трепотня, болтовня*, *треп* по конверсии образован глагол *to spiel* — *разглагольствовать, трепаться, молоть языком*: Dolan was making an informal salute

and spieling all in one breath and almost in one word (Th. Heggen, Mr. Roberts, p. 56).

II. Морфологическая классификация.

Для удобства и унификации изложения ниже приводятся сленгизмы, не имеющие аналогов в нейтральной литературной лексике, образованные по конверсии от разных частей речи независимо от стилистической принадлежности исходных слов.

1. Имена существительные, образованные конверсией от разных частей речи. Одной из наиболее характерных и продуктивных моделей образования для этой группы сленгизмов является модель: «глагол + предлогообразное наречие = существительное», т. е. образования типа hold-up. Например, brush-off — *отставка (кавалеру)*; *непринятие (ухаживания)*: It was the brush-off, Benjy's lip stiffened (John and Emery Bonnet, No Grave for a Lady, p. 67); run-in — *ссора, стычка, спор*: Roberts had just had a run-in with the Captain (Th. Heggen, Mr. Roberts, p. 132). Количество слов, относящихся к этой группе, очень велико, а абсолютная продуктивность модели позволяет представить себе, что любое сочетание данного типа может конвертироваться в существительное. В текстах нам встретились существительные, не зафиксированные в словарях субстандартной лексики: carry-on, clear-out, lie-down, wash-on. Мы привели пример наиболее продуктивного вида конверсии. Однако существительные в группе сленгизмов, не имеющих аналогов в нейтральной лексике, образуются и от других частей речи. Здесь встречаются существительные, образованные от основ прилагательных: bubbly — *шампанское* (от bubbly — *пенящийся*); от основ наречий: out — *выход, лазейка*: If you're lucky there might be an out (P. Cheney, You Can call it a Day, p. 148); от основ глаголов: think — *мысль, мнение*: «If you think I did», he went on tonelessly, «you've got another think coming» (K. Steel, Murder Goes to College, p. 32).

2. Имена прилагательные, образованные конверсией от разных частей речи. Среди сленгизмов, не имеющих аналогов в нейтральной общелитературной лексике, значительно меньше прилагательных, образованных по конверсии от сочетаний глаголов с предлогообразным наречием, например: bang-up — *отличный, великолепный, первоклассный*: This borough does a bang-up job when the chips are down (J. Updike, The Centaur, p. 279); a drive-in movie, off-beat scene. При этом естественно, что адъективность здесь условна, так как словосочетания такого рода могут рассматриваться либо как «свободные», и тогда первый компонент — действительно существительное, образованное по конверсии, либо как сложное слово нестойкого типа, и тогда первый компонент — именная основа. Проблема распознавания первого компонента посвящена многочисленная литература.¹

¹ Наиболее обоснованной в этом вопросе нам представляется точка зрения О. С. Ахмановой и А. И. Смирницкого (см.: Образования типа stone wall, speech sound в английском языке. Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, 1952, вып. 11).

В нашем материале встретились также прилагательные, образованные по конверсии от существительных, например, *stone-broke — полностью разоренный*: *soul — негритянский, присущий неграм*; от глагола *go — готовый к началу, благоприятный*; от наречия *over — зажаренный с двух сторон*.

3. Глаголы, образованные конверсией от разных частей речи. Среди сленгизмов, не имеющих аналогов в нейтральной лексике, встречаются глаголы, образованные по конверсии от прилагательных, например, *alert — насторожиться, встревожиться*: *Our company was alerted for our shipment overseas* (R. L. Marks, *The Pendulum*, p. 19).

Встречаются также глаголы, образованные от существительных, например, *scruff — едва сводить концы с концами, жить впроголодь* (от *scruff — тонкая корочка или верхний слой*); *alibi — оправдываться* (от *alibi — алиби*): *Lundgren is alibi-ed by the very best kind of evidence* (E. Sherry, *Murder at Nightfall*): «What do you want me to do? *Alibi me for the night*» (F. Kane, *Dead Weight*, p. 7).

В художественной литературе встретились также глаголы, образованные по конверсии от существительных, не зафиксированные в словарях сленга — их можно назвать сленговыми окказионализмами, например: *They arranged to cell together* (R. Linder, *The Fifty-Minute Hour*, p. 16); *Vince Cole was busy hosting* (E. Gilbert, *The Native Stone*, p. 11) *Next morning she dressed and subwaysed down to Korvettes* (W. Goldman, *Boys and Girls Together*, p. 22).

Таким образом, непосредственный анализ языкового материала является плодотворным только на основе ясного понимания структурной природы лексики, на основе установления корреляций разных ее пластов и выявления статуса каждого из них. Такой подход к изучению лексического материала исключает атомистичность, поскольку отдельные лексические пласты рассматриваются не разрозненно и разобщенно, а с учетом их статуса по отношению друг к другу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овденко О. В. Про лексико-стилістичну омонімію та полісемію (на матеріалі американського загального сленга ХХ ст.). — «Вісн. Харк. ун-ту», 1974, № 111. Інз. мози, вип. 7, с. 105—110.
2. Соловьева Т. А. К вопросу об образовании сленгизмов на базе английского литературного словаря. — «Учен. зап. Иван. пед. ин-та», 1966, т. 50.
3. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М., «Наука», 1965.
4. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. 350 с.
5. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.
6. Медникова Э. М. К вопросу о лексико-морфологических категориях. — «Вопр. языкознания», 1971, № 5, с. 57—68.
7. Медникова Э. М. О конверсии в английском языке. — «Филол. науки», 1958, № 4.
8. Marchand H. *The Category and Types of Present-Day English Word-Formation*. Wiesbaden, 1960.

К ВОПРОСУ СЕМАНТИКИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Проблема семантики имени собственного (ИС) — малоисследованная.

Задача данной статьи — изучение семантики ИС, её вариативности на основании фактического материала, взятого из современной французской художественной прозы. Основной метод исследования — контекстуальный, т. е. наблюдения проводятся в связи с семантическими, синтаксическими, а также стилистическими условиями контекста. Анализ материала осуществляется в плане синхронии.

В рассматриваемом материале было отмечено наиболее частое употребление ИС в так называемых «метонимических сокращениях»:

Sur la cheminée il y avait un Spinoza, un Montaigne, et quelques livres de science [12, с. 21]. Elle me demanda de lui prêter Gide, Barrès, Claudel, dont je lui parlais tant [11, с. 21]. Mais je comprends bien qu'y avoir ajouter du Dostoievski, du Tolstoi, du Leskov de l'Aksakov, du Tchekhov, c'est y avoir introduit un autre microbe, celui de la patience [8, с. 69].

В данных примерах не нарушилось семантическое единство ИС, оно по-прежнему соотносится с конкретным лицом. Для современного разговорного языка характерно метонимическое употребление имен авторов вместо названий их произведений. «Нетрудно заметить, что возможность подобного употребления имён собственных обусловлена не тем, что они приобретают какие-то новые значения, но тем, что языку вообще присущи подобные виды метонимических сокращений» [5, с. 221].

Семантика ИС также остается неизменной при употреблении ИС в метонимической модели для обозначения совокупности людей по месту их жительства:

La France doit vivre [12, с. 185]. Si nous gagnons la guerre... *la France* dominera l'Europe. *L'Allemagne* et *la Russie* pairont [12, с. 379].

В случаях адъективации ИС его семантическая целостность также не нарушается, а грамматическая и семантическая вариантность синтаксически обусловлена (об адъективации ИС свидетельствует его постпозиция по отношению к определяемому существительному). Например: *A l'entrée, il y avait de nombreuses cartes de visite sur un plateau Louis XVI* [9, с. 69]. *Il n'y en avait qu'un meuble Empire, sur une estrade haute d'un mètre* [6, с. 37].

При адъективации ИС увеличивается его семантический объем. Являясь именами конкретных лиц или названиями течений в истории искусства, имена собственные способны характеризовать целую историческую эпоху, но при этом их семантика конкретизируется благодаря определяемому существительному, с которым ИС составляет минимальный семантический контекст. По данной транспонирующей модели авторы иногда в целях стилистической экспрессии

адъективировано употребляют имена героев своих произведений. Pendant deux ans elle n'avait parlé à ses amis que de Beltara; elle avait donné **des diners Beltara**, organisé **des expositions Beltara** [11, с. 45]. En effet, dès le lendemain commença la **période Chalonnès** de la vie de Gladys Pecks [11, с. 47]. В приводимых примерах ИС обретает значение благодаря «перемещению слова в новое лексическое окружение, в необычный для него контекст» [2, с. 109]. Но новое значение становится понятным лишь в контексте, семантическая целостность ИС при этом не нарушается.

Подчиняясь общим законам, характерным для имен нарицательных, ИС способны эллиптироваться. «Эллиптизации подвергаются чаще такие слова, которые в силу определенных условий становятся особенно популярными, общеизвестными» [1, с. 35]. Un avril tout bleu régnait sur la Côte 10, 449. Il y avait deux académiciens, plus un **Goncourt**, des actrices, des gens du monde [11, с. 42]. Выделенные в примерах эллипсисы соответствуют: la Côte-Côte d'Azur, un Goncourt — соответствует придаточному определительному — une personne ayant un prix Goncourt. Сравнивая эллипсис имен нарицательных и ИС, отмечаем, что в первом случае происходят определенные семантические изменения, а во втором — не наблюдаются. Здесь срабатывает принцип речевой экономии, который при соединении с особыми экспрессивными качествами разговорной речи стимулирует формирование способов эллиптического словоупотребления, находящегося в прямой зависимости от контекста и конситуации» [1, с. 29].

Объективная трудность в разработке проблемы смыслового тождества слова заключается в том, что семантическим контекстом, который может быть как системным, так и речевым, реализующим то или другое значение слова, служат не только лексические, но и грамматические средства языка. «Значение слова в целом подтверждается его грамматическим оформлением, так как только лишь грамматическое оформление придаёт слову окончательную структурную и семантическую законченность» [4, с. 139]. Je ne l'avait pas fait exprès, mais c'était exactement ce qui pouvait le plus au monde allécher **une Mrs Pecks** [11, с. 46]. Or le **Chalonnès** de la Napoule, tel que je le retrouvais, était devenu tout différent [11, с. 51]. В этих примерах авторы при помощи грамматических средств придают ИС новое семантическое наполнение, а именно: перед ИС лиц, вопреки правилам французской грамматики, употреблены артикли и при этом не только называется то или иное лицо, но и дается ему некоторая характеристика, выделяется его определенный признак, какое-то качество, в результате чего ИС приобретает определенный семантический объём, расширяет свое смысловое содержание. Подобное явление относится исключительно к области речевой реализации и носит окказиональный характер.

«Генетическая общность имени собственного и нарицательного... является основой, которая ... делает возможным переход имени собственного в нарицательное» [3, с. 18]. Malgré l'heure, M. Philippe,

lorsqu'il arriva, était tiré à quatre épingles ..., les mains gantées de suède gris [9, с. 17]. Une faible lueur, passant le judas de la porte d'entrée, effleurait le poli des premières marches [1, с. 157].

В результате перехода ИС в нарицательное исходное имя теряет свойство единичной номинации, увеличивает свой семантический объем, так как характеризует целые классы однородных предметов. «Новое значение никогда не возникает на пустом месте, оно должно опираться на предшествующее значение, которое частично удерживается в новом. Из состава предшествующего значения при этом выделяется признак, опосредствующий переход к новому значению» [4, с. 88]. Образовавшиеся новые имена *suède*, *judas* полностью сохранили морфологическую оформленность и звуковой комплекс исходных ИС. Будучи результатом перехода ИС в нарицательное, они зафиксированы словарями и являются фактами языка. ИС — богатая база для деривационного словообразования.

В примерах: Elle était installée solidement, confortablement sur sa culture, son *épicurisme*, son indifférence [8, с. 39]. Il a déclaré que les *pétinistes* avaient aimé la France à leur manière. Выделенные новые образования, расширив свою семантику, относятся к классу существительных и имеют сложную морфологическую конструкцию. Их основой служит исходное ИС, к которому добавляется суффикс, придающий новому слову категориальную и грамматическую оформленность. Лексическое значение вновь образованных существительных, в первую очередь, связано со значением их основ; «грамматическое значение зависит от грамматического оформления слова, но проявляется в связи с его лексическим значением, которое, в свою очередь, также не может рассматриваться в отрыве от грамматического значения» [4, с. 135]. На базе ИС образуются также прилагательные: La première, à la puissante *corpulence* de la cinquantaine, au visage *bourbonien* ... [12, с. 125]. Vous qui êtes si *wagnérienne*, ... cela m'amuserait de vous montrer un endroit, ... qui me rappelle vraiment la montée Walhalla [11, с. 149].

В примерах слова *bourbonien*, *wagnérienne* благодаря суффиксу *-ien* приобретают категоральное значение прилагательных, сохранив в качестве основы исходное ИС, которое является семантическим стержнем слова. У вновь образованных прилагательных также увеличивается семантический объем при включении в семантику понятия качественной характеристики.

Рассмотренные примеры дериваций свидетельствуют о том, что ИС является продуктивнейшим источником для словообразования.

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы:

в случаях употребления ИС в метонимических переносах, эллиптических и определенных синтаксических конструкциях семантическая целостность ИС не нарушается;

при переходе ИС в нарицательное в деривационных образованиях на основе ИС семантика вновь образованных слов, генетически связанных с исходным ИС, изменяется от конкретного к абстрактному.

Последний факт свидетельствует о том, что ИС представляет значительную базу для обогащения словарного состава языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Т. Г. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи. — В сб.: Развитие лексики современного русского языка. М., «Наука», 1965. 135 с.
2. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М., «Просвещение», 1969. 262 с.
3. Жданов О. Н. Метонимическое словообразование на основе имён собственных. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1963. 22 с.
4. Левковская К. А. Теория слова, принципы её повторения и аспекты изучения лексического материала. М., «Высш. школа», 1962. 295 с.
5. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., «Наука», 1973. 280 с.
6. Aragon L. Blanche ou l'oubli. Gallimard, 1967.
7. Butor M. L'emploi du temps. Les éditions de Minuit, 1957.
8. Curtis J.-L. Les forêts de la nuit. Paris. 1947.
9. Dugas M. Dix heures et demie du soir en été. Gallimard. 1960.
10. Garry R. La promesse de l'aube. Gallimard, 1960.
11. Maurois A. Une carrière et autres nouvelles. Editions du progrès Moscou, 1965.
12. Maurois A. Climats. Grasset, 1928.

Э. Г. ПАПОВЯНЦ

О СЕТИ ОТНОШЕНИЙ ВНУТРИ АНГЛИЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

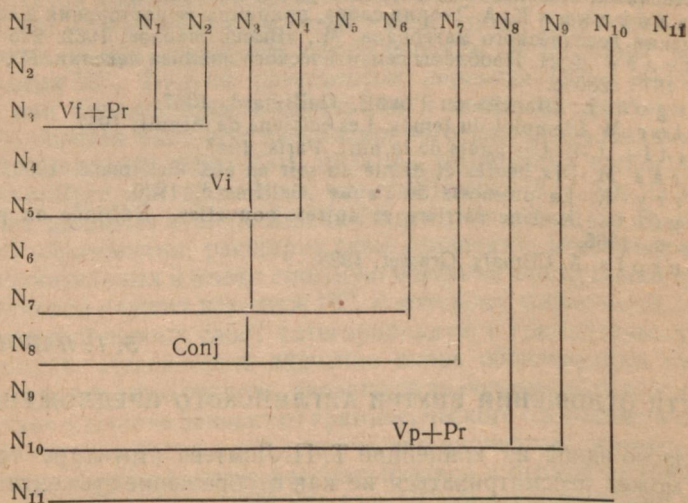
Согласно одной из концепций Т. П. Ломтева структура предложения может рассматриваться не как отображение субъектно-предикатного построения, что принято большинством грамматистов, а как отражение системы с отношениями. По его мнению, предложения *мальчик читает* и *мальчик читает букварь* с субъектно-предикатной точки зрения имеют одну структуру (см.: 2, с. 57), а с другой точки зрения, эти предложения имеют разные структуры. «Первое предложение выражает одноместное отношение, или иначе, — свойство одного предмета, другое же — двухместное отношение, в котором первое место занимает лицо *ученик*, второе — предмет *букварь*. Необходимыми элементами структуры первого предложения является одно имя *мальчик* одного предмета *мальчик* и глагол *читает* как выразитель свойства этого предмета. Необходимыми элементами структуры второго предложения являются два имени: *мальчик* и *букварь* — двух предметов: «мальчик» и «букварь» — и глагол *читает* как имя отношения между этими предметами» [2, с. 58]. Обобщая, Т. П. Ломтев пишет, что эта точка зрения «предполагает в качестве структурных элементов предложения имена всех предметов, занимающих места в данном отношении, и имя отношения (глагол и другие формы)» [2, с. 58].

Проиллюстрируем наше понимание данной концепции анализом следующего предложения. The real choice (N_1) lies between exchange

(N_2) controls (N_3) to stifle short-term capital (N_4) movements (N_5) and a properly flexible exchange (N_6) rate (N_7) policy (N_8) combined with adequate mutual support arrangements (N_{10}) between the leading central banks (N_{11}).

Для того, чтобы установить сеть отношений между словами морфологического класса N , представим данное предложение в виде символической схемы. С этой целью располагаем все субстантивные элементы (условно их называем N_1, N_2 и т. д.), входящие в состав предложения, в порядке их следования по горизонтали и вертикали и устанавливаем связи между ними.

Существительное choice (N_1) связано с существительным controls (N_3) словами lies between, т. е. глагольно-предложной связью ($V_f + Pr$), существительное exchange (N_2) связано с существительным controls (N_3) непосредственно (что отражено на схеме отсутствием всяких промежуточных символов). Аналогичная связь существует между существительными: exchange (N_6) и rate (N_7), rate (N_7) и policy (N_8), support (N_9) и arrangements (N_{10}). Существительное controls (N_3) связано с существительным movements (N_5) инфинитивом to stifle, т. е. глагольной связью (V_i), одновременно существительное controls (N_3) связано с существительным policy (N_8) словом and, т. е. союзной связью (conj). Существительные policy (N_8) и arrangements (N_{10}) связаны словами combined with, т. е. глагольно-предложной связью ($V_p + Pr$) и, наконец, существительные arrangements (N_{10}) и banks (N_{11}) связаны словом between, т. е. предложной связью. Таким образом, именной каркас анализируемого предложения объединен десятью связями пяти типов: 1) непосредственная (пять случаев), 2) глагольно-предложная (два случая), 3) глагольная (один случай), 4) союзная (один случай), 5) предложная (один случай).

С нашей точки зрения, основным недостатком рассматриваемой концепции Т. П. Ломтева является отсутствие критерия предложения: не названы признаки, отличающие предложение от непредложения. Другой недостаток — фактическое игнорирование тех слов в предложении, которые не обозначают «места» или отношения между «местами», например, определения и обстоятельства. Но во многих отношениях эта концепция имеет преимущества перед традиционной субъектно-предикатной.

1. Спозиции последней не вся структура предложения относится к одному уровню. Только сочетание главных членов, предикация, принадлежит уровню собственно предложения, а второстепенные члены образуют лишь словосочетания, т. е. образования иного уровня. Иначе обстоит дело в системе с отношениями. Здесь все элементы предложения относятся к одному уровню.

2. Предикация, как норма, содержит два взаимопредполагающих конституента. Она составляет сущность предложения как такового и не дает представления о возможных типах его структуры. Разнообразие вносят, в основном, второстепенные члены. В концепции же Т. П. Ломтева каждый элемент системы принимает участие в образовании структуры предложения, преобразуя, скажем, одноместное предложение в двухместное, двухместное — в трехместное и т. д.

3. В традиционной концепции отношения между членами предикации неизменно характеризуются как предикативные, в то время как в концепции Т. П. Ломтева между элементами системы существуют самые различные отношения, создающие разные типы структуры предложения.

Богатство комбинаторики элементов системы в сочетании с разнообразными отношениями между элементами и создает то множество вариантов предложения, которое характеризует человеческий язык.

4. Разнообразие отношений, естественно, предполагает и разнообразие средств выражения этих отношений, что контрастирует с традиционно однообразной опорой на личную форму глагола. Нужно ли, например, примысливать глагол *иду, спешу, лечу, бегу* или другой к предложению *Я в сберкассе*, когда отношения ясно выражены предложно-падежными средствами?

5. Концепция Т. П. Ломтева представляется более плодотворной и в диахроническом плане. Если опора на личную форму глагола мало изменилась на протяжении всей истории английского языка, то другие средства выражения отношений между «местами» оказались динамичнее. Так, преимущественно падежное выражение отношений между N_1 и N_2 в древнеанглийском сменилось преимущественно предложным выражением этих отношений в среднеанглийском и сменяется преимущественно позиционным выражением тех же отношений в современном языке.

Ср. д. а. *landes sceawung*, ср. а. *shewyng of land*, н. а. *land showing*; д. а. *dēora fel*, ср. а. *fell of deer*, н. а. *deer fell, deer skin*.

Из сказанного ясно, что принцип системы с отношениями не может полностью заменить субъектно-предикатный анализ, но может

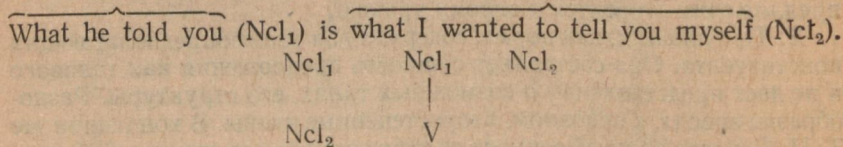

служить прекрасным дополнением к нему. Как нам известно, этот принцип не применялся к сложному предложению, но при некоторых допущениях это, по-видимому, нетрудно сделать.

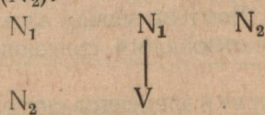
Согласимся с Л. Л. Иофик, что сложносочиненное предложение — это не что иное, как сочетание простых предложений [см.: 1, с. 76].

В сложноподчиненном предложении условимся каждое придаточное при первичном анализе либо приравнивать к *N* (подлежащие, дополнительные, предикативные, аппозитивные), либо оставлять без анализа (определятельные, обстоятельственные). Тогда мы получим системы отношений, похожие на системы простых предложений, с той разницей, что добавится вторичный анализ — раскрытие отношений внутри придаточных предложений.

Проанализируем, например, такое сложное предложение:

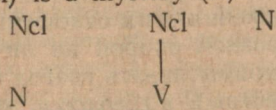

Не проводя анализа отношений внутри Ncl₁ и Ncl₂, можно сказать, что в данном случае Ncl₁ связано с Ncl₂ посредством глагольной связи, так же как N₁ связано с N₂ в простом предложении John (N₁) is a student (N₂).

Аналогична структура предложения смешанного типа вроде:

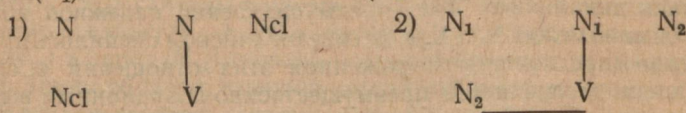
Why she left him (Ncl) is a mystery (N).

Глагольная связь иного содержания характеризует и такие предложения:

1) I (N) don't know whether it's a matter of luck (Ncl).

2) I (N₁) don't know the truth (N₂).

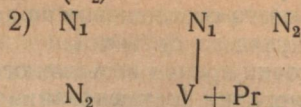
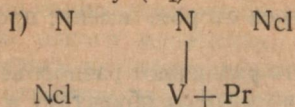

В следующем двухместном сложном предложении (как и сопоставляемом простом) имеет место глагольно-предложная связь.

1) He (N) wouldn't talk about what doesn't concern him (Ncl).

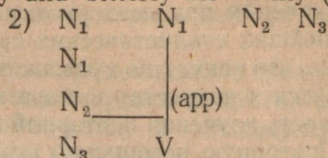
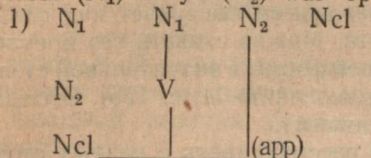
2) The old lady (N_1) looked at the child (N_2).

N и Ncl в следующем сложном предложении, а также N_1 и N_2 в сравниваемом простом связаны непосредственной аппозитивной связью.

1) Rosa (N_1) had the feeling (N_2) that she was expected (Ncl).

2) Nurse (N_1) Lloyd (N_2) was openly and bitterly his enemy (N_3).

Итак, не только простое, но и сложное предложение можно, по нашему мнению, анализировать с точки зрения системы с отношениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. И о ф и к Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 214 с.
2. Л о м т е в Т. П. Принципы построения формулы предложения. — «Филол. науки», 1969, № 5, с. 56—68.

Ж. Е. ПОТАПОВА

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ

Произведение искусства, к чему мы относим и произведение художественной литературы, воспринимается как художественное целое, отличающееся единством стиля, однако единством сложным, представляющим собой совокупность систем и структур, зачастую с очень сложными иерархическими отношениями. Каждая структура моделирует определенную сторону художественного произведения [см.: 1, 2].

Одной из таких сторон является номинативная сторона текста, соотносительность языковых элементов с обозначаемыми ими внеязыковыми объектами, которую В. Г. Гак называет важнейшим, если не основным аспектом текста как результата языковой реализации [см.: 3].

Внутри номинативного аспекта текста выделяются коммуникативный, модальный и собственно денотативный аспекты. Анализ текста как организованного целого следует начинать с денотативного аспекта, где единицей семантической организации текста служит обозначение (номинация) [см.: 3].

Мы разделяем мнение В. Г. Гака о том, что в акте наименования имеет место соотношение не двух, а трех сторон: имени, предмета и именуемого субъекта.

С точки зрения называемого объекта различают разнообъектные наименования (наименования даются разным объектам) и однообъектные (наименования даются одному объекту). Если один и тот же объект называется более одного раза, мы имеем дело с повторной номинацией. Повторная номинация делает возможными варианты обозначений, которые обуславливаются как характером объекта, так и характером субъекта наименования. «Модификация обозначения при повторном наименовании выступает как одно из важнейших стилистических средств. Можно сказать без преувеличения, что искусство художественной формы в значительной степени сводится к искусству выбора наименований» [4, с. 126]. Отсюда — важность изучения повторной номинации.

Повторную номинацию можно рассматривать с разных сторон. Нас интересует стилистический аспект системы средств этого явления.

В наиболее общем плане постановки задачи вопрос рассматривался В. Г. Гаком [см.: 4]. Он различает следующие типы повторной номинации:

1. Прагматический план: отношение к субъекту — идентичная/вариативная; отношение к объекту — однофокусная/многофокусная; нейтрализованный тип — совмещенная.

Семантические типы

Отношение к объекту: отношение тождества — синонимическая; отношение включения — конкретная (абстрактная) местоименная; отношение пересечения — метонимическая и пр.

Отношение к объекту: субъективное — оценочная; объективное — относительная.

2. Синтагматический план: дистантная/сопряженная.

Синтагматический план + семантические типы.

Реприза/антиципация.

3. Функциональный план: нейтральная/экспрессивная [см.: 4, с. 126—127]. В указанной работе кратко рассмотрены стилистические функции некоторых типов повторных номинаций.

Среди конкретных способов выражения повторной номинации представляет интерес, прежде всего, исследование П. И. Колесниковым системного изучения заместителей существительного и его группы на материале разнообразных в жанровом и тематическом отношении произведений современной немецкой художественной литературы, публицистической, научной и научно-технической литературы [см.: 5]. Заместители здесь делятся на два разряда: идентификаторы и альтераторы. Идентификаторы называют один и тот же объект, в семантике альтераторов содержится указание на неполную идентификацию. Денотат заместителя-альтератора либо

является частью денотата antecedента, либо оба денотата являются членами одного множества. Установление списка заместителей проводилось на основе анализа логико-семантических отношений между понятием, выраженным antecedентом, и понятием, выраженным заместителем. Заместители распределены по различным участкам лексико-функционального гиперполя в соответствии с выражаемым ими значением. Описаны парадигматико-синтагматические и синтагматические отношения между заместителем и antecedентом. Представляется важным включение в микрополе простой идентификации наряду с предметно-личными местоимениями притяжательных местоимений.

В работе М. П. Лаан [см.: 6] рассматриваются языковые средства, при помощи которых понятие, выраженное именем существительным исходной реплики диалога, повторяется в последующих репликах.

С повторной номинацией связано понятие межфразовой эстафетной структуры (МЭС) [см.: 7]. Связный текст представляется многоступенчатой системой, ведущий принцип которой — принцип эстафетного замещения единиц одной ступени единицами другой. Единицы различных ступеней образуют смысловое единство, так как относятся к одному и тому же экстралингвистическому объекту как его обозначения и переобозначения (*Иван и Марья поженились. Молодожены оставили общежитие и переехали в новую квартиру. Заводской комитет обоим предоставил двухнедельный отпуск для свадебного путешествия* [см.: 7, с. 51]).

Важнейшее свойство межфразовой эстафетной структуры состоит в активном характере переобозначения исходного объекта мысли на разных ступенях. Объект не просто переобозначается ради экономии языковых средств. Высшая экономия достигается за счет активного преобразования исходных знаний об объекте при сохранении инварианта преобразования [см.: 7].

Таким образом, опираясь даже на эти немногочисленные исследования, можно наметить следующие пути изучения стилистического аспекта повторной номинации:

1. Изучение системы средств повторной номинации в авторской речи; специфичность различных типов номинаций, их комбинации.
2. Отражение в номинации идейно-художественных взглядов автора (или образа автора), характеристика персонажа через номинацию.
3. Изучение системы повторной номинации в речи персонажей и характеристика персонажей через их речь.

У каждого автора предполагаются свои приемы употребления повторной номинации. Первая попытка изучить стилистические особенности в связи с различной повторной номинацией проводилась на материале писателей одной эпохи в одном жанре. Рассмотрены повести Л. Ренна «Camilo» и З. Дитриха «Die Kinder vom Teufelsmoor», рекомендованные читателям с 9- и 10-летнего возраста (у Дитриха взяты первые 30 страниц). Исследовались способы вы-

ражения повторной номинации одушевленных предметов в синтагматическом плане.

Выводы. Общее — явное преобладание строевой функции, что, по-видимому, характерно вообще для любого произведения. Стилистическая функция потому и существует, что выделяется среди прочих. Возможно, преобладание строевой функции в особенности характерно для детской прозы, так как язык здесь должен быть, хотя и образным, но простым, должен предполагать определенные стилистические навыки (эта гипотеза требует проверки на достаточном объеме материала). Разница особо заметна в употреблении сопряженной номинации. Приведем несколько примеров: 1) «Wir haben beschlossen, dich, Camilo, in unsere Pionierfreundschaft aufzunehmen». (Renn). 2) Es schien Camilo sogar, der Revolutionsführer hätte auch ihm, dem Straßenjungen, zugewinkt. (Renn). 3) Eine Frau zog den Jungen an sich und wollte ihn trösten. Das aber konnte es sich nicht gefallen lassen, er, der Sohn von Helden. (Renn). 4) Die Schmiede hätten die Geschichte auch weitererzählen können. Harry zum Beispiel oder Herrn Höhnlein, seinem Klassenleiter. (Dietrich).

Оба автора используют один и тот же прием для разных целей. Так, Ренн применяет повторную номинацию в приложении после личных местоимений для подчеркивания наиболее важной стороны в данной ситуации (примеры 2, 3). У Дитриха приложение следует за именем собственным при введении нового персонажа (пример 4), либо, чтобы показать его с новой стороны, либо для напоминания.

Последовательность введения повторной номинации у обоих авторов — нормативная, но и здесь намечается различие: у Дитриха первичное наименование сразу конкретное, у Ренна — чаще также конкретное, но есть и относительное (sein Großvater) и более абстрактное (eine dicke Frau) у Ренна, кроме того, есть случай антиципации.

В семантико-стилистическом плане повторная номинация, вероятно, может быть представлена в виде различных классификаций с учетом разных сторон описываемого объекта, с одной стороны, и, с другой — с учетом различных углов зрения автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов А. Н. Теория стиля. М., «Искусство», 1968. 223 с.
2. Брандес М. П. Стилистический анализ. М., «Высш. школа», 1971. 198 с.
3. Гак В. Г. О семантической организации текста. — В сб.: Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Ч. I. М., 1974, с. 61—67.
4. Гак В. Г. Повторная номинация и её стилистическое использование. — В сб.: Вопросы французской филологии. М., 1972, с. 123—136.
5. Колесников П. И. Лексико-функциональное поле замещения существительного и его группы в современном немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1974. 24 с.
6. Лаан М. П. Синтагматические эквиваленты имени существительного в немецкой диалогической речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1973. 40 с.
7. Голубев Л. А. Местоимения в составе межфразовых эстафетных структур. — В сб.: Вопросы металингвистики. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1973, с. 48—65.

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Некоторые моменты становления падежной системы немецкого языка еще не исследованы полностью в лингвистической литературе. Во-первых, это пути исчезновения древневерхненемецкого инструменталиса и его связь с генитивом, и, во-вторых, проблема расширения сферы употребления генитива в средневерхненемецком периоде, а затем проблема сужения этой сферы.

Мнение о том, что древневерхненемецкий инструменталис частично замещался генитивом еще в древневерхненемецком периоде [см.: 3] и даже раньше, до появления письменных памятников [см.: 2], не соответствует языковым фактам [см.: 5]. Расширение сферы функционирования генитива в средневерхненемецком периоде, а затем сужение ее вплоть до превращения генитива в адноминальный падеж не находило своего объяснения вплоть до недавнего времени. В. М. Возница, присоединяясь к Г. Велландеру, обусловил это явление уменьшением влияния латинского языка на немецкий язык [см.: 4]. Поскольку данное объяснение не нашло достаточной аргументации в работах названных исследователей, мы попытаемся восполнить пробел в данной статье, связывая судьбы немецкого инструменталиса и генитива с влиянием латинского языка на немецкий язык.

Латинский язык оказал сильное влияние на древневерхненемецкие письменные памятники, представляющие собой преимущественно переводы с латинского языка или пересказы латинских источников [см.: 1, 12]. Общий характер переводческой деятельности заключался в калькировании латинских синтаксических моделей: латинской падежной формы или латинской предложной конструкции [см.: 8].

При правлении Меровингов римляне и германцы были связаны совместной жизнью. Латынь была источником образованности и христианства, и духовенство в германских землях владело не только письменным, но и разговорным латинским языком [см.: 11]. Таким образом, в условиях билингвизма в сознании людей формировалась своеобразная система, которая имела один план содержания и два плана выражения. Однако при этом произошло столкновение двух падежных систем: шестипадежной латинской и пятипадежной древневерхненемецкой. В то время в древневерхненемецком языке уже не было старого индоевропейского аблатива, но оставался инструменталис, а в латинском языке был аблатив, но не было инструменталиса. Эти падежи имели ряд общих значений: причины, сравнения, превращения и др. [см.: 7]. Поскольку латинский язык того времени имел прочно сложившуюся многовековую грамматическую традицию [см.: 6], а древневерхненемецкий не имел еще ни одной грамматики, то вполне естественно, что при состав-

лении древнейших немецких грамматик в основу была положена латинская падежная система, где древневерхненемецкий инструменталис понимался как аблатив. Та франкская грамматика, которую велел составить Карл Великий, должна была строиться по образцу латинской [см.: 9, 16]. До нас она не дошла. Однако грамматики последующих веков строятся по образцу латинской. Например, в грамматике Готтшеда (середина XVIII в.) говорится о наличии в немецком языке шести падежей: номинатива, генитива, датива, аккузатива, вокатива и аблатива. В предисловии Готтшед указывает, что имеются противники аблатива в немецком языке, которые считают излишним ориентирование на латинский язык. Однако Готтшед доказывал, что этот падеж необходим, и ссылаясь на грамматики старшего поколения [см.: 13].

Аблативисты утверждали, что после ряда предлогов в немецком языке стоит не датив, а аблатив, причем в тех же случаях, что и в латинском, и перечисляли их: 1. In, an — in. 2. Im — id est — in dem — in hoc. 3. Von — a, ab, abs etc. 4. Mit — cum. 5. Auß — ex. Этот спор продолжался почти до конца XVIII в. Однако отмечается и такой курьезный случай, как различие аблатива и датива в одной из грамматик начала XIX в. [см.: 14].

Омонимия инструменталиса и датива во множественном числе в древневерхненемецком языке и омонимия множественного числа аблатива и датива в латинском языке способствовали тому, что древневерхненемецкий инструменталис был переосмыслен как аблатив, а инструменталис единственного числа на *-u/o* был оформлен по единому образцу с остальными типами склонений, т. е. омонимичным с дативом.

В то время, как переводчики калькировали латинские падежные и предложные конструкции, сам латинский язык не оставался неизменным. В его падежной системе происходили следующие изменения: сузилась сфера беспредложного аблатива за счет роста предложных конструкций [см.: 7], а кроме того, чрезвычайно расширилось, особенно в поэтическом языке, употребление генитива, который стал почти универсальным средством выражения отношений между предметами, притом самых разнообразных и отвлеченных. Это касается и необычных для ранней латыни объектного генитива и генитива отношения. Кроме того, возросло количество генитива при глаголах мышления и памяти. Генитив качества, имевший в древней латыни, в основном, значение принадлежности и меры, в дальнейшем стал средством выражения качества, оттеснив преобладавший ранее аблатив качества [см.: 6].

Поэтому не удивительно, что в условиях билингвизма под влиянием латыни в средневерхненемецком периоде расширилась сфера употребления генитива. Это расширение отмечено в поэтическом языке [см.: 10] с глаголами мышления и памяти, а также для выражения общей соотнесенности. Таким образом, те отношения, которые в древневерхненемецком языке выражались инструменталисом, если и перешли впоследствии к генитиву, то не прямо, а через про-

межучточную ступень аблатива, омонимичного с дативом. Дальнейшее сужение сферы генитива в глагольном управлении в немецком языке можно с уверенностью отнести к ослаблению влияния латыни, т. е. к тому периоду, когда она перестала быть официальным языком и языком науки.

По всей вероятности в народном языке, не зафиксированном на письме, генитив в глагольном управлении в немецком языке не имел такого широкого использования, как это имело место в письменном языке. Ослабление влияния латыни способствовало тому, чтобы в немецком языке упрочилось адноминальное употребление генитива в соответствии с его германским стереотипом (ср. адноминальное употребление генитива в английском языке, на который латынь в свое время оказала меньшее влияние, чем на немецкий язык [см.: 15]).

Таким образом, мы видим, что только лишь на материале немецкого языка без привлечения к исследованию данных из истории латинского языка вышеуказанные моменты становления падежной системы немецкого языка не поддавались объяснению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М., «Высш. школа», 1963. 335 с.
2. Адмони В. Г. Развитие функций родительного падежа в немецком языке. — «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1959, т. IX, с. 257—290.
3. Гиршгорн Р. З. Дополнение в родительном падеже в древневерхне-немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1948. 17 с.
4. Возниця В. М. Функції генетива в сучасній німецькій мові. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Львов, 1963. 18 с.
5. Проценко В. С. Взаємозв'язок кількісного та дистрибутивного аналізів давньоверхньонімецьких текстів в зв'язку зі зникненням інструменталіса. — «Вісн. Харк. ун-ту», 1973. Іноземні мови, вип. 7, с. 114—120.
6. Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1953. 272 с.
7. Уёмова Е. А. Сочетания с отложительным падежом в латинском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1953. 12 с.
8. Шубик С. А. Порядок слов в древневерхне-немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1964. 15 с.
9. Эгингард. Жизнь Карла Великого. — В кн.: История средних веков в её писателях и исследованиях новейших ученых. Под ред. М. Стасюлевича. СПб., 1909, с. 27—35.
10. Boysen J. Über den Gebrauch des Genitivs in den Epen Wolframs von Eschenbach. Borna — Leipzig, 1910.
11. Brinkmann H. Sprachwandel und Sprachwendungen in althochdeutscher Zeit. Jena, 1931.
12. Frings T. Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache. Halle, 1957.
13. Gottsched J. Vollständigere und neuerläuterte deutsche Sprachkunst. Leipzig, 1757.
14. Jellinek M. Der Ablativ nach Präpositionen. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 47, I. H., 1922.
15. Reiffenstein I. Das Althochdeutsche und die Irische Mission im oberdeutschen Raum. Innsbruck, 1958.
16. Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache. Berlin, 1969.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИНФИНИТИВА И ГЕРУНДИЯ В НЕКОТОРЫХ АРЕАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Необходимость изучения ареальных вариантов единого литературного языка не раз подчеркивалась языковедами. Так, в частности, Д. Брозович пишет: «Было бы нематериалистично и недialeк-тично считать, что язык, обслуживающий одну нацию, одно общество, одну национальную культуру и цивилизацию, одну науку и литературу, может иметь ту же природу, что и язык, распределяющий эти функции между двумя нациями» [1, с. 6].

Проблеме английского языка в США, Канаде, Австралии и других англоязычных ареалах посвящены десятки научных трудов как в нашей стране, так и за рубежом. Однако в этих исследованиях основное внимание уделялось лексике и фонологии, тогда как морфология и синтаксис отодвигались на второй план. В ряде работ сопоставляются некоторые грамматические расхождения ареальных подсистем единого литературного языка [см.: 2, 3]. Можно сказать, что грамматические различия региональных вариантов единого языка относятся к нерешенным проблемам ареальной лингвистики.

Цель настоящей статьи — анализ функционирования инфинитива и герундия в некоторых ареальных подязыках современного английского языка — британском (*BE*), американском (*AE*), австралийском (*AuE*). Мы выбрали именно эти две нефинитные формы глагола, потому что, как отмечал еще А. И. Смирницкий [см.: 4, с. 249], различие между герундием и, скажем, причастием значительнее, чем различие между герундием и инфинитивом, которые являются формами «субстантивной репрезентации», хотя герундий и представляет собой более последовательную форму репрезентации, чем инфинитив, т. е. имеет более отчетливый именной характер. Функционирование грамматических явлений в различных ареальных подсистемах — практически малоисследованная область, которая представляет теоретический интерес, так как помогает раскрыть глубинные процессы, происходящие в языке.

В статье мы поставили перед собой следующие задачи: 1) определить частотность инфинитива и герундия в каждом из рассматриваемых вариантов английского языка; 2) проанализировать частотность инфинитива и герундия в различных функциях. Таким образом, для нас первостепенный интерес представляет не анализ инфинитива и герундия как самостоятельных единиц, а изучение их взаимосвязи в смысле определения сфер их функционирования как «соперничающих» глагольно-субстантивных образований.

Проанализировав три тысячи примеров, по одной тысяче на каждый вариант (из произведений современных британских, американских и австралийских авторов), мы можем сказать, что в среднем на страницу стилистически однотипных текстов (страницы

брались равными по объему во всех трех вариантах) случаев употребления инфинитива в AE — 8,653, в BE — 10,022, в AuE — 8,560, а герундия — в AE — 1,551, в BE — 1,471, в AuE — 1,440 (приведены средние цифры, т. е. общее число примеров в данном варианте делилось на общее количество страниц). Как видим, инфинитив чаще употребляется в BE , чем в AE и AuE , где цифры почти одинаковые. Что касается герундия, то его частотность во всех трех вариантах приблизительно одинакова. Если мы примем британский вариант за норму, то частотность инфинитива в американском и австралийском вариантах по отношению к британскому будет составлять: $AE/BE = 0,972/1$ и $AuE/BE = 0,981/1$; а герундия: $AE/BE = 1,187/1$ и $AuE/BE = 1,125/1$.

Если же рассматривать отношение инфинитива к герундию внутри каждого варианта, то результаты будут следующими: в AE — $5,578/1$, в BE — $6,812/1$, в AuE — $5,944/1$.

Расхождения окажутся более существенными, когда мы обратимся к анализу употребления инфинитива и герундия в различных синтаксических функциях. Рассмотрение синтаксических функций этих вербидов осложняется рядом обстоятельств: 1) отсутствием синтаксической традиции толкования некоторых функций инфинитива, 2) возможностью различного истолкования какого-либо явления. Поскольку характер синтаксического исследования инфинитива в ряде случаев является объектом споров, мы, не углубляясь в полемику, определим свое отношение к ряду спорных случаев по мере рассмотрения той или иной синтаксической функции.

Результаты выборки показали, что инфинитив и герундий в функциях подлежащего, вводного элемента, части фразеологической единицы и элемента конструкции $wh + V_{to}$ (where to go, what to do) употребляется сравнительно редко (см. табл.).

Функции:	AE		BE		AuE	
	герундий	инфинитив	герундий	инфинитив	герундий	инфинитив
подлежащее	0.3	0.3	0.1	0.3	0.5	0.4
определение	4.5	5.9	4.4	7.4	4.3	5.0
предикативный комплемент	0.5	37.3	0.3	35.0	0.2	28.6
вторичный предикат	0.1	10.1	0.2	8.8	0.7	5.8
объективный комплемент	5.0	14.9	4.5	18.9	5.6	23.7
адвербиальный комплемент	3.3	8.1	2.9	5.2	1.9	11.5
расширение	0.8	3.4	0.4	7.2	1.0	6.2
приложение	0.7	2.4	—	3.9	0.5	2.3
элемент конструкции $wh + V_{to}$	—	0.9	—	0.2	—	1.1
часть фразеологической единицы	—	0.8	—	0.2	—	0.2
вводный элемент	—	0.7	—	0.1	—	0.5
	100%		100%		100%	

Функция определения. Как видно из табл. 1, инфинитив в этой функции наиболее часто встречается в *BE*, а что касается герундия, то во всех трех вариантах в функции определения он употребляется приблизительно одинаково. Если же рассматривать частотность инфинитива и герундия в этой функции, то мы видим, что и в *AE*, в *BE* и в *AuE* инфинитив встречается чаще, чем герундий. Особенно четко это различие проявляется в *BE*. Например.

One morning Mrs Strikland sent me round a note to say that she was giving a dinner-party that evening, and one of her guests had failed her (S. Maugham). Sam carried himself jauntily, with an air of being master of the situation (K. S. Prichard).

Функция предикативного комплемента. Поскольку для герундия эта функция не является характерной (0,2—0,5%), мы ограничимся рассмотрением только инфинитива. В число предикативного комплемента вошли и инфинитивы, являющиеся знаменательным элементом в структурах: to be going + Inf.; used + Inf.; could not but + Inf.; would better + Inf.

В функции предикативного комплемента инфинитив чаще всего встречается в американском варианте, а реже всего — в австралийском. Например.

This ran into a trampled space under an oak where he used to sleep on his feet and switch flies, and then out again along the fence separating the pasture from Weld's apricot orchard (W. Stegner). Now he was old and could roll no more, his only desire was to sit down on Wytaliba and moult peacefulli (K. S. Prichard).

Функция вторичного предиката. Так же, как и в предыдущем случае, мы исключаем герундий из анализа в этой функции ввиду сравнительно редкого употребления в ней.

В число вторичного предиката в нексусе вошел и инфинитив в так называемой Subjective Infinitive Construction. При анализе структур с вторичной предикацией (нексусов) мы определяем лишь функции вербида, а не нексуса в целом. A certain importance attaches to the views on art of painters and this is the natural place for me to set down what I know of Strickland's opinion of the street artists of the past (Maugham).

Так же, как и в функции предикативного комплемента, инфинитив в функции вторичного предиката чаще всего встречается в американском варианте, а менее всего — в австралийском.

Функция объективного комплемента (дополнения). Инфинитив в функции объективного комплемента является наиболее характерным для австралийского варианта, а наименее характерным — для американского. У герундия особого различия не наблюдается, хотя с оговоркой можно сказать, что для австралийского варианта употребление герундия в этой функции является более типичным, чем для американского и особенно британского варианта.

Рассмотрение различия в употреблении инфинитива и герундия в этой же функции внутри каждого варианта свидетельствует о том, что оно наиболее характерно для американского. Например. *There was no word in the native dialect which meant master or boss; but the boys understood very well what Mumae wished to say* (K. S. Prichard). *She borrowed another buggy and horses, and insisted on leaving at dawn next day* (K. S. Prichard).

Функция адвербиального комплемента (обстоятельства). В этой функции инфинитив чаще всего встречается в австралийском варианте и менее всего — в британском. Герундий же в этой функции более употребителен в американском варианте и менее употребителен в австралийском. Наибольшее различие в употреблении инфинитива и герундия в этой функции наблюдается в австралийском варианте, а наименьшее — в британском. Например. *As a final gesture of confidence and esteem, Mrs Fogarty lifted her skirts to show the varicose veins bulging in thick purple knote and contusions on her massive thighs* (K. S. Prichard). *As it was, Nan worked off her spleen on each occasion by making bitter comments to Mor as they walked home* (I. Murdoch).

Функция расширения¹. Функция приложения. Эти функции мы рассматриваем только применительно к инфинитиву, так как в нашей выборке в этих функциях герундий встречается редко (0,4—1,0%). Функция расширения — наиболее типична для инфинитива в британском варианте и наименее типична для инфинитива в американском варианте. Например. *The subject was grateful and the industrious Weitbrecht-Rotholz in his imposing monograph has been able to give a remarkable list of authorities* (S. Maugham).

В функции приложения инфинитив также более типичен для британского варианта. В американском и австралийском вариантах особого различия не наблюдается. Например. *«Of course, it takes a long time to know a man, and this is only an impression»* (I. Murdoch).

Проверка с помощью пуассоновского распределения и критерия согласия Пирсона показывает, что выборка достаточно репрезентативна и характеризует положение в каждом из рассматриваемых вариантов. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что близость различных вариантов не исключает расхождений, заслуживающих изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б р о з о в и ч Д. А. Славянские языки и сравнительный метод. — «Вопр. языкознания», 1967, № 1, с. 6.
2. Н а в а л ь н а С. Т. Спроба статистичного аналізу синтаксису мови (на матеріалі британського та американського варіантів сучасної англійської мови). — «Вісн. Харк. ун-ту», 1973, № 98. Іноземні мови, вип. 6, с. 49—54.

¹ Расширение (extension) — адьюнкт прилагательного, наречия и т. д. [см.: 5].

3. Навальная С. Т. Функционирование неличных форм глагола в научной и разговорной речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1974, с. 3—24.
4. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 249 с.
5. Khaïmovich B. S., Rogovskaya B. I. A. Course in English Grammar. М., «Выш. школа», 1967. 268 с.

Т. М. ТИМОШЕНКОВА

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАК ОСОБЫЙ ВИД СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

В советской лингвистике присоединительные структуры разрабатываются довольно давно — в разных аспектах и на материале разных языков [подробно об этом см.: 12]. Однако сам термин «присоединение» понимается далеко не однозначно, разные лингвисты вкладывают в него разное содержание. Выделяется три основных подхода к явлению присоединения [см.: там же]:

1. Под присоединением понимают особый вид синтаксической связи, противопоставляемый сочинению и подчинению.

2. Присоединение выделяют не как особый вид синтаксической связи, а как вариант сочинения или подчинения.

3. Присоединение рассматривают как форму нейтрализации различий между гипотаксисом и паратаксисом.

Последнюю точку зрения находим в работах некоторых зарубежных ученых. Так, А. Бэн, анализируя те случаи, «когда придаточное предложение почему-либо приобретает такую важность, что выделяется в самостоятельное предложение и может отделяться от своего главного точкой», усматривает в этом возможность перехода «подчинения в сочинение» [4, с. 123]. О трансформации различных подчинительных союзов в сочинительные в аналогичных условиях читаем у Дж. Кёрма (союз *while*) [см.: 14], у Э. Крейзинга [см.: 15] и Г. Поутсма [см.: 16] (союзы *as, though*).

Эти же идеи высказывают наши отечественные лингвисты Н. Н. Раевская [см.: 17], Е. К. Белоконь [см.: 3, с. 58, 67], Н. А. Кобрин [см.: 8]. Н. Н. Раевская отмечает, что оппозиция между сочинением и подчинением нейтрализуется у таких союзов, как *for, though*, так как они способны вводить самостоятельные предложения [см.: 17, с. 163]. Н. А. Кобрин указывает, что в роли сочинительных могут выступать подчинительные союзы *though, whereas, while, because, so that*.

Рассмотрим, правомерно ли выделение присоединения как особого типа синтаксической связи, и существуют ли объективные критерии для разграничения присоединения, с одной стороны, и сочинения и подчинения — с другой.

Отличие присоединения от других видов связи, в частности сочинения, Л. В. Щерба видел в том, что при сочинении «оба элемента присутствуют в сознании, хотя бы в смутном виде», а в случае при-

соединения «второй элемент появляется в сознании лишь после первого или во время его высказывания» [13, с. 23]. В. В. Виноградов рассматривал элементы присоединительных конструкций как синтагмы, смещенные относительно предыдущего высказывания. Тогда компонент, к которому присоединяется добавочное сообщение, и сам присоединенный элемент представляются разорванными и неожиданно приближенными синтаксическими отрезками [см.: 6]. Представляется несомненным, что присоединительные структуры возникли как явление живой разговорной речи, однако затем они получили широкое распространение в письменно-литературной речи, в том числе в авторской. Именно в письменно-литературной речи присоединительные структуры используются как особый коммуникативно-стилистический прием выделения, уточнения, подчеркивания тех или иных деталей, характеристик и т. д. В письменно-литературной речи экспрессивные возможности присоединения как особого вида интонационно-смыслового членения проявляются наиболее полно. Присоединение, как особый вид синтаксической связи, характеризуется следующими особенностями:

1. При присоединении второй элемент возникает как бы в самом процессе высказывания, дополнительно, при этом часто наблюдается пропуск отдельных промежуточных элементов, что не характерно для гипотаксиса и паратаксиса. *That's what used to happen then. All the time. But not with us; we were lucky (O'Connor).* или: *Yes, we run the coalition. With some difficulty, but we do (O'Connor).*

2. Присоединительные структуры всегда обладают той или иной экспрессией благодаря расчленению высказывания и созданию дополнительного коммуникативного центра.

3. Сочинение предполагает наличие двух или более функционально-однородных компонентов в составе коммуникативной единицы. Присоединение с наличием таких однородных компонентов не связано. Например, *i want you badly. Just to see you. To hear you voice.* Однородные дополнения в базовой и присоединенной частях имеют разную структурную оформленность, что невозможно в пределах сложносочиненного предложения.

4. Между основной и присоединенной частью могут быть включены отдельные слова и даже целые предложения, чего не бывает ни в сложносочиненном, ни в сложноподчиненном предложении. *He didn't come after all. Why d'you think? Because of her.*

5. Основная и присоединенная часть могут быть разнооформленными в коммуникативном плане единицами, что также невозможно ни в сложносочиненном, ни в сложноподчиненном предложении. *Won't you come? Just for a minute.*

6. Присоединение отличается от сочинения и от подчинения особым порядком слов — обязательной постпозицией присоединенного элемента.

7. Различие между сочинением и подчинением, с одной стороны, и присоединением, с другой — выражается в ритмико-мелодической стороне речи. Синтагматическое (усиленное) ударение, длительная

пауза, понижение основного тона в конце основной и присоединенной части и более низкий уровень падения тона в конце последней определяют в своей совокупности особую интонационную структуру присоединения [см.: 1]. Ритмико-мелодические особенности присоединения делают речь с этими связями прерывистой в отличие от относительно плавной речи с сочинением и подчинением. А интонация, как отмечал И. И. Мещанинов, «является таким же средством передачи слову синтаксического содержания, как и всякий другой синтаксический прием» [9, с. 7].

8. Своеобразие в функционировании союзов в отличие от гипотаксиса и паратаксиса. Союз *and* в присоединительных конструкциях может передавать самые различные отношения.

Временные:

Одновременности: All the day long he was pottering about with his bike and swearing like mad. And I was sitting nearby, all compassion (Caldwell).

Временной последовательности: He was silent for a long time. And now she felt the pain in him (Abrahams).

Причинно-следственные:

For the past two weeks he had been stale and dissatisfied; and he was grateful for the invitation (Wilson).

Следственно-результативные:

She gave him a meaning glance. And he followed her out of the door whatever his feelings might be (Lawrence).

Сопоставительно-противительные:

I went to Oxford as one goes into exile. And she to London (Wells).

Добавочно-пояснительные:

He unwrapped tissue paper and produced a brooch. And it looked marvellous, a curiously carved and coloured bit of opal in a ring of tiny brilliants (Coppard).

Союз *and* может вводить присоединенный элемент в виде члена предложения или целого предложения, связанного с предыдущим контекстом путем разнообразных психологических ассоциаций. Иногда он приближается по значению к русскому *ведь, а ведь*. Например. Della counted it. One dollar and eighty seven cents. And the next day would be Christmas (O'Henry).

Или: Oh, the perfidy of man! And she had loved him. (Mansfield).

Союз *but* в присоединительных конструкциях может передавать уступительное значение: She was still trying to talk me out of it. But not as hard as before. I saw she was giving in. Он может приобретать значение усиления: They tell me to rest. Funny people. But I am. I'm doing nothing else but rest (Mansfield).

В присоединительных конструкциях происходит переосмысление и подчинительных союзов. Союз *because* может расширять свое значение до более общего значения пояснения. В речи персонажей этим союзом вводятся предложения, носящие характер раздумья, субъективной оценки событий. *I never thought of her as my friend. Because we had never been at any particularly intimate terms. She was just an old acquaintance.*

Союз *if* в присоединительных конструкциях может приближаться по значению к модальным словам *возможно, вероятно*. *It was one of the most important things. If not the most important* (Mansfield).

Союз *while* может приобретать значение уступительности. *I can't accept all his statements. While I agree with most things he says* (Ilyish).

На переосмысление значений сочинительных и подчинительных союзов в присоединительных конструкциях указывают многие лингвисты, исследующие такие конструкции на материале разных языков: Ю. В. Ванников — союзы *и, но* в русском языке [см.: 5]; А. А. Андриевская и Л. И. Ступакова — союзы *car, et, mais* во французском [см.: 2, 11]; В. Н. Стрельцов — союзы *as if, as though* в английском языке [см.: 10].

Характер связи в бессоюзных присоединительных конструкциях выражен менее отчетливо, поскольку они лишены такого сильного формального признака, как союзы в присоединительной функции. Однако и в этом случае налицо определенные показатели присоединения. В присоединительной конструкции создается сочетание двух неразрывно связанных друг с другом показателей присоединения: синтаксической законченности и синтаксической неполноты. Одна часть высказывания (основная) — вполне оформленная, синтаксически законченная единица, а вторая — синтаксически и по смыслу не самостоятельная единица (отделенная от первой части на письме точкой). Между этими двумя частями устанавливается связь, которая носит характер присоединения. Второй элемент приобретает присоединительный характер в силу законченности основной, первой части [см.: 7, с. 11].

На наш взгляд, эти доводы, касающиеся семантических, структурных и интонационных особенностей присоединительных конструкций, достаточно убедительны, чтобы выделить присоединение как особый вид синтаксической связи, отличный как от сочинения, так и от подчинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азовцева Ю. А. Коммуникативно-стилистическая вариантность на уровне высказывания (обособление и парцелляция). — Учен. зап. Моск. пед. ин-та иностр. яз., 1970, т. 56. Вopr. романо-герм. филологии, с. 3—10.

2. Андрієвська О. О. Синтаксис тексту та адекватна одиниця його фрагментування. — «Вісн. Київськ. ун-ту», 1972, № 6. Серія іноз. філологія, с. 12—16.
3. Белоконь Е. К. Временные союзы в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1954. 25 с.
4. Бэн А. Стилистика и теория устной и письменной речи. М., 1877.
5. Ваников Ю. В. Явление парцелляции в современном русском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1965. 27 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947. Гл. Союзы, с. 28—36.
7. Ким Г. В. Бессоюзные присоединительные конструкции в современном русском литературном языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Алма-Ата, 1965. 24 с.
8. Кобрина Н. А. Синтаксические средства связи между самостоятельными предложениями в английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1953. 32 с.
9. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., Изд-во АН СССР, 1945. 253 с.
10. Стрельцов В. Н. Парцелляция в структуре сложноподчиненного предложения в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1974. 21 с.
11. Ступакова Л. И. Явления парцелляции в языке современной французской прессы. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1975. 26 с.
12. Тимошенко Т. М. К вопросу о парцелляции в современном английском языке. — «Вестн. Харьк. ун-та» 1976, № 129. Иностр. яз., вып. 9, с. 114—117.
13. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. — В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1957. 124 с.
14. Curme G. O. Syntax, v. 3, Lnd, 1931.
15. Kruisinga E. A. Handbook of Present Day English. Part 11, 1931.
16. Routsma H. Grammar A. of Late Modern English. Part 1, English Syntax, N.—Y., Chicago, 1964.
17. Rayevska N. N. Present Day English Syntax. Киев, «Вища школа», 1970. 235 с.

Р. Г. ТКАЧЕНКО

О ДИНАМИКЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ

В опубликованных ранее работах мы сформулировали основные признаки особого синтаксического образования — синтаксической конструкции прямой речи (СКПР) [см.: 1, с. 99; 2, с. 45]. Важнейшим признаком СКПР мы считаем существование в ней двух текстually сопряженных предикативных центров [см.: 1, с. 103; 2, с. 47]. Отличительными чертами СКПР являются: а) наличие двух обязательных компонентов — авторского ввода (АВ) и прямого высказывания (ПВ), способных перемещаться относительно друг друга; б) зависимость порядка слов в АВ от его позиции относительно ПВ, что служит доказательством синтаксической спаянности этих компонентов СКПР; в) наличие, в подавляющем большинстве случаев, глагола говорения в АВ.

Как и все в языке, СКПР развивается. Мы уже касались диахронии этой конструкции ранее [см.: 3, с. 34; 1, с. 105]. В данной статье

попытаемся подвести некоторые итоги наших наблюдений над СКПР за последние три столетия. Наиболее значительные изменения представлены в таблице. Данные столбца 3 относятся к конструкциям типа I: He said, "I shall do it now", где АВ находится в препозиции к ПВ, данные столбца 4 — к конструкциям типа II: "I shall do it now", he said с постпозицией АВ и, наконец, данные столбца 5 — к СКПР с интерпозитивным АВ (III): "I", he said, "shall do it now". Подсчет проведен на основании анализа 3 600 выборок из произведений английских авторов: 1 тыс. выборок из литературы XVIII ст. (10 авторов), 1 400 выборок из литературы XIX ст. (14 авторов) и 1 200 (12 авторов) из литературы XX ст.

Количественные изменения СКПР за последние три столетия

Столе- тие	Примерный объем группы глаголов ввода	Соотношение различ- ных позиций АВ относительно ПВ (в %)			Соотношение прямого и инвертирован- ного порядка слов АВ в типах II и III (в %)			
		I	II	III	П	И	П'	И'
1	2	3	4	5	6	7	8	9
XVIII	35	20	23	56	0	100	2	98
XIX	56	10	56	30	7	93	80	20
XX	200	12	70	13	Англия-45 США-72	55 28	99.7 99.8	0,3 0,2

Поскольку в типах II и III возможен прямой (П) и инвертированный (И) порядок слов, мы посчитали их соотношение. В столбцах 6 и 7 приведены данные о порядке слов при подлежащем-существительном (П, И), а в столбцах 8 и 9 — при подлежащем-местоимении (П', И').

Частоты П, П' и И, И' вычислялись на материале одной тыс. выборок из произведений 10 английских авторов XVIII ст., 1200 выборок (12 авторов) — XIX ст. и 10 тыс. выборок из произведений 62 английских авторов XX ст. Для американского варианта анализ проводился на материале восьми тыс. выборок из произведений 60 авторов.

Динамика развития порядка слов АВ в XX ст., по-разному проявляющаяся в различных ареалах и стилях, заставила значительно увеличить объем выборки из произведений XX ст.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что за прошедшие три столетия в СКПР произошли значительные изменения.

1. В XX ст. объем группы глаголов ввода увеличился более чем в три раза по сравнению с XIX и в шесть раз по сравнению с XVIII ст. Такое увеличение числа глаголов произошло не только за счет синонимии глаголов говорения, но и за счет включения глаголов другой семантики. В качестве глаголов ввода стали употребляться глаголы, которые обозначают действия, сопровождающие

говорение (sigh, shrug, smile, nod, yawn, applaud, grin, laugh, frown) или внутреннее состояние говорящего (mourn, explode, rage, exult). "I'm glad not to have to pay more taxes", sighed the possessor (Mitchell M. *Gone with the Wind*. L., Mac. and Co, 1962, p. 48). "I couldn't help him buzzing", Scarlett shrugged negligently (Mitchell M. *op. cit.*, p. 135). "From the Appleby", she mourned. "The last of them all" (Woolf V. *A Haunted House*. Penguin Books. 1973, p. 105). "Why you-you dirty trail tramp!" she raged (L. Ernenwein. *Gun-Fighter's Return*. Five Star Paperback, 1972, p. 54). "The Colonel nodded: "He knows his job. But he is reluctant to do it" (Aldridge J. *Of Many Men*. Stories by Modern English Authors. M., Foreign Lang. Publishing House, 1955, p. 175).

2. С течением времени резко увеличился удельный вес группы постпозитивных АВ. Теперь они употребляются почти в три раза чаще, чем остальные группы, вместе взятые. Этот компонент СКПР из авторского ввода превращается скорее в «авторский вывод».

3. Инверсия в АВ с подлежащим-существительным, которая употреблялась в 100% случаев в XVIII и в 93% в XIX ст., сократилась до 55%, а в американском варианте — даже до 28%. В местоположенных же АВ инверсия, бывшая нормой в XVIII ст., в настоящее время почти полностью исчезла.

Изменения произошли не только во внутренней организации СКПР, но и в ее удельном весе по сравнению с другими образованиями, вводящими ПВ в авторское повествование. Мы имеем в виду способ введения ПВ не в рамках СКПР, а различными, содержащимися в повествовании, имплицитными указаниями на говорящего и говорение, которые объединены нами под названием раздельный авторский ввод (РАВ). Примером введения ПВ при помощи РАВ может служить следующий отрывок: Mr. Swinton rose, crushing the remains of his cigarette in the ash—tray. "I'll take you in to see Mr. Penning — he is in charge of the personnel. I'd like you to get some idea of the way business is run before you come into the main office" (Lindsay J. *Betrayed Spring M.* Foreign Lang. Publishing House, p. 175).

Анализ одной тысячи выборок из произведений 10 английских писателей XIX ст. показал, что в этот период ПВ вводилось в авторское повествование в рамках СКПР в 80% случаев и лишь в 20% — при помощи РАВ. В таком же количестве примеров из произведений 10 английских авторов XX ст. частота употребления СКПР снизилась до 57% и, соответственно, более, чем вдвое, чаще стало встречаться ПВ, введенное в РАВ. Следовательно, для настоящего времени можно считать оба способа введения ПВ количественно почти равноправными.

Таким образом, в процессе развития английского языка увеличивается разнообразие способов передачи ПВ, и в результате специфическая и замкнутая в прошлом СКПР все более утрачивает черты, отличавшие ее от других синтаксических образований. Это проявляется в следующем:

1. Способность АВ перемещаться относительно ПВ постепенно заменяется его фиксацией в постпозиции.

2. Зависимость порядка слов в АВ от его позиции постепенно ослабевает. В местоименных АВ инверсия уже полностью исчезла. В субстантивных АВ переход к прямому порядку совершается энергично, особенно в США.

3. В резко возросшей группе глаголов ввода глаголы говорения утратили свою исключительную роль. Значителен удельный вес глаголов иной семантики.

4. Даже основной грамматический признак СКПР — наличие двух предикативных центров — перестает быть достоянием только этой структуры, так как этот же признак присущ образованиям с РАВ.

Все эти факторы дают основания полагать, что происходит известное размывание структурных и семантических границ СКПР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муха Р. Г. К вопросу о прямой речи. — «Учен. зап. Харьк. пед. ин-та иностр. яз.», 1959, т. 5, с. 99—111.
2. Муха Р. Г., Хаймович Б. С. Предикативна і комунікативна характеристика «прямої мови». — «Вісн. Харк. ун-ту», 1973, № 98, с. 45—49.
3. Муха Р. Г. Про відносне розташування авторського вводу і висловлювання. — «Вісн. Харк. ун-ту. Серія іноз. мов», 1966, вип. 1, с. 34—38.

В. А. УЖИК

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТРУДОЕМКОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

В системе исследований по совершенствованию учебного процесса большое значение приобретает изучение бюджета времени студента, трудоемкости самостоятельной работы и связанные с ней вопросы научно-обоснованных норм домашних заданий.

Иностранный язык, как известно, относится к наиболее трудоемким дисциплинам, при обучении которому остро возникает потребность изучения затрат времени на различные виды самостоятельной работы в течение учебного процесса. Здесь важно установить правильное соотношение возрастающих требований к студенту по иностранному языку и реальных возможностей, ограниченных фактором времени и уровнем подготовки студента. Время, отводимое на выполнение внеаудиторных видов самостоятельной работы, не должно превышать допустимых пределов. По оптимальным нормам продолжительность рабочего дня студента не должна превышать 9—10 часов, а рабочей недели — 54—60 часов [см.: 1]. Так, если учесть, что на аудиторные занятия обычно отводится шесть часов, то на самостоятельную работу — соответственно три — четыре часа в день.

Для первых курсов на изучение английского языка отводится четыре часа на аудиторную и три часа на самостоятельную работу [см.: 2, 3]. Такое соотношение аудиторной и внеаудиторной работы положено в основу составления рабочих планов. Однако до настоящего времени трудоемкость различных видов планируемой самостоятельной работы студентов не подвергалась тщательному анализу. Поэтому на первом этапе исследования была сделана попытка определить трудоемкость, т. е. затраты времени на подготовку одного из видов самостоятельной работы — внеаудиторного чтения — с целью выяснения соответствия существующих норм реальным возможностям студентов [см.: 4]. Исследование проводилось методом устных опросов, анкетирования и письменных экспериментов при сплошном и выборочном обследовании. Результаты показали, что нормы внеаудиторного чтения не всегда укладываются в рамки отведенного рабочим планом времени на самостоятельную работу студента. В связи с этим необходим пересмотр существующих норм в количественном и качественном отношении [см.: 5].

Выявление влияния качественных характеристик текстов на трудоемкость самостоятельной работы, поиск путей снижения этой трудоемкости — таковы цели второго этапа исследования. Он заключается в хронометрировании выполнения работы с различными в качественном отношении текстами: общественно-политическим, общенаучным и текстом по специальности. В результате эксперимента выяснилось, что одним из путей снижения трудоемкости этого вида работы можно считать повышение удельного веса текстов по специальности.

Итоги вышеуказанных этапов исследования помогли определить место внеаудиторного чтения в бюджете времени студента. Возникает вопрос о месте самостоятельной работы по английскому языку в целом, т. е. всех видов домашних заданий. Его решение необходимо для выяснения соответствия затрат времени на самостоятельную работу планируемым затратам. С этой целью проводилось исследование методом анкетирования. Было обработано 1600 анкет. Ответы помогли определить, сколько времени (в астрономических часах) в каждую неделю первого семестра 1974—1975 учебного года затрачивает студент механико-математического факультета Харьковского университета на самостоятельную работу по английскому языку (см. таблицу).

Из таблицы видно, что $K_{\text{ср}}^1$ в большинстве случаев превышает единицу. Следовательно, на выполнение домашних заданий по английскому языку студент I курса затрачивает больше времени, чем предусматривается планом.

На основе полученных данных был построен график ритма самостоятельной работы студентов в I семестре. Анализ этого графика показал, что студенты работают с различной степенью загруженности. Если в первые недели их самостоятельная работа проходит

---

¹ $K_{\text{рс}}$ — отношение выявленных затрат к планируемым.

Затраты времени (в среднем) одного студента на самостоятельную работу по всем видам заданий

Показатель	Порядковый номер недели													По плану
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
Количество астрономических часов	2,9	2,6	2,9	2,8	3,1	2,1	2,3	2,5	1,3	2,3	2,0	2,4	2,9	2,0
$K_{\text{ср}}$	1,4	1,3	1,4	1,4	1,5	1,0	1,1	1,2	0,6	1,1	1,0	1,2	1,4	1

более или менее равномерно, то на пятой отмечается максимум кривой, совпадающий по времени с проведением первой аттестации. На девятой неделе наблюдается минимум кривой в период проведения второй аттестации.

Чем же можно объяснить такие противоположные пики на графике? Очевидно, для студентов I курса в период их адаптации к усвоениям учебного процесса в вузе практическое занятие по своей форме ближе к формам школьного обучения. В связи с этим основное внимание уделяется дисциплинам, по которым проводятся практические занятия, и меньше времени отводится самостоятельной работе над лекционными курсами. Кроме того, имея слабую подготовку по языку в средней школе, студент I курса испытывает некоторые трудности в овладении материалом программы вуза. Этим, вероятно, и объясняется большой удельный вес самостоятельной работы по английскому языку в период первой аттестации.

В период между первой и второй аттестациями студент осваивает новые формы учебного процесса и его внимание начинает распределяться более равномерно, что, естественно, не может не отразиться на степени загруженности по иностранному языку.

В конце семестра также отмечается возрастание трудоемкости самостоятельной работы в период подготовки к сдаче зачета по иностранному языку. Для поддержания устойчивого ритма работы студентов следовало бы в период первой аттестации не загружать их дополнительными заданиями, чтобы создать благоприятные условия для проведения успешной аттестации по другим учебным дисциплинам. Что касается второй аттестации, здесь, вероятно, не всегда строго выполняются графики проведения различных форм контроля, составленные факультетом, что приводит к перегрузке студентов по другим дисциплинам и к снижению трудоемкости работы по иностранному языку.

На основании результатов данного исследования мы получили представление о ритме работы студентов, о трудоемкости их самостоятельной работы. Это позволяет сделать следующие выводы: 1) дополнительные задания не всегда составляются с учетом лимита

времени; 2) аттестации целесообразно проводить по текущей успеваемости, если это позволяет форма проведения учебного процесса; 3) при планировании самостоятельной работы необходима координация действий всех кафедр факультета для сохранения устойчивости ритма работы студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Либерман О. Г., Кравченко С. Г. Деякі питання методики обстежень і аналізу бюджету часу студентів.— В зб.: Методологія дослідження навчально-виховного процесу вищої школи. Київ, 1971, с. 21—28.
2. Учебный план, утвержденный на заседании ученого совета факультета.
3. Инструктивно-методические указания по вопросам планирования, организации самостоятельной работы и контроля текущей успеваемости. Харьк. ун-т, 1975.
4. Программа М-ва высш. и сред. спец. образования, 1968.
5. Ужик В. О., Яцевич Ж. Ф., Кравченко С. Г. Місце позааудиторного читання з англійської мови в бюджеті часу студентів.— «Вісн. Харк. ун-ту», 1975, № 128. Іноз. мови, вип. 8, с. 128—130.

Л. В. ШАНХАНУРОВА

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРИЧАСТИЯ II В ТРЕХ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В результате действия ряда социальных, экономических и политических причин один язык может функционировать в качестве государственного языка в разных частях земного шара, что, естественно, приводит к возникновению региональных разновидностей данного языка.

Мы рассматриваем современный английский язык, изучение которого в разных региональных разновидностях вызывает большой интерес, так как его разновидности существуют в таких различных в историческом и социолингвистическом планах странах, как Великобритания, США, Австралия, Канада, Новая Зеландия и т. д. Проблема статуса современных региональных разновидностей английского языка пока не решена.

Тщательный сопоставительный фонологический, лексический, морфологический, синтагматический анализ отдельных подсистем в ареальных подъязыках с последующим обобщением результатов, полученных при исследовании ограниченных систем на более широкой основе, мог бы способствовать решению этой сложной проблемы. До сих пор изучение взаимоотношения подъязыков основывалось, в основном, лишь на фонетических и лексических наблюдениях. Анализ грамматических явлений в региональных разновидностях современного английского языка только начинается. Он представляет большой интерес, поскольку дает возможность проследить, как идет развитие единой языковой системы на разных территориях, какова взаимосвязь между территориальными подъ-

языками в современных условиях, существуют ли между ними грамматические различия в парадигматике и синтагматике.

Проблема причастия II — одна из нерешенных проблем грамматики английского языка, так как в англистике нет единого ответа ни на вопрос о его статусе в системе современного английского глагола, ни о природе его значений. Не исследован и интересующий нас вопрос о функционировании причастия II в разных региональных подязыках.

Задачей настоящего исследования является анализ причастия II в английском языке Великобритании, Австралии и США в плане определения: а) частотности употребления причастия II, б) функциональной характеристики и типов моделей, в которых используется причастие II. Приведенные данные получены путем сопоставительного анализа фактического материала (по 1 тыс. примеров причастия II из каждого ареального подязыка, собранных путем сплошной выборки из современной художественной прозы).

По ряду параметров мы могли констатировать сходство, как с точки зрения функций причастия II во всех трех разновидностях английского языка, так и с точки зрения принципиально одинакового синтаксического окружения. Но территориальная разобщенность приводит и к внутренним расхождениям, которые проявляются, в первую очередь, в различной частотности употребления причастия II в разных функциях и моделях в региональных разновидностях английского языка (см. табл. 1). Из таблицы видно, что в позиции, т. е. в модели Ve-en N с атрибутивным причастием II, последнее встречается в АА в 1,6 раза чаще, чем в БА. В АВА причастие II в этой функции представлено примерно так же, как в АА.

Таблица 1

Распределение причастия II в ареальных подсистемах
(функциональная характеристика)

Функции и модель словосочетания	Региональные разновидности		
	БА	АА	АВА
1. Препозитивное определение V-en N	17,6	28,9	22,7
2. Постпозитивное определение NV-en	39,6	34,9	41,4
3. Предикативный член be V-en	31,5	29,6	28,2
4. Вторичный предикатив в нексусе Ns V-en	9,6	5,9	7,1
5. Обособленное обстоятельство:			
а) времени when V-en	0,4	0,2	—
б) условия if V-en	0,4	0,3	0,4
в) уступки Though V-en	0,1	0,2	—
г) образа действия thus (as) V-en	0,5	—	—
д) сравнения as though V-en	0,3	—	0,2
	100%	100%	100%

Здесь БА — британский вариант английского языка, АА — американский вариант английского языка и АВА — австралийский вариант английского языка.

работы по ее усвоению, но также тщательного изучения соответствия между объемом изучаемого материала и реальными затратами времени. Такая постановка проблемы ведет, в свою очередь, к нормированию домашних заданий по практическим курсам, в данном случае по английскому языку. Экспериментальная проверка затрат времени на выполнение домашних заданий, количественный анализ эксперимента и выводы из него лучше всего дают нам представление о бюджете времени студентов.

В 1974/75 учебном году на механико-математическом факультете проводился эксперимент по определению затрат времени студентами I—III курсов на аналитическое чтение по английскому языку. Экспериментом были охвачены две группы I курса, три группы II курса и две группы III курса, т. е. всего 88 студентов. Отдельно определялись затраты времени на подготовку чтения и перевода нового текста, лексико-грамматических упражнений и пересказа пройденного текста. В каждой группе эксперимент повторялся от двух до трех раз для получения средних показателей.

Табл. 1 дает представление о среднем объеме домашнего задания по аналитическому чтению на I—III курсах механико-математического факультета Харьковского университета. При определении объема домашних заданий мы руководствовались рабочими планами кафедры по английскому языку, составленными на основе методических указаний учебных пособий [см.: 1], а также программы Научно-методического Совета по вузам при Министерстве высшего образования УССР.

Таблица 1

Курс обучения	Количество знаков по домашнему заданию			Всего
	Новый текст для чтения и перевода	Лексико-грамматические упражнения	Пройденный текст для пересказа	
I	1100	750	1000	2850
II	2000	925	1470	4395
III	2600	850	1500	4950

Табл. 2 приводит данные эксперимента по реальным затратам времени на подготовку домашних заданий на I—III курсах по трем видам задания соответственно.

В ходе эксперимента получены также данные о затратах времени на выполнение домашнего задания по аналитическому чтению студентами, имеющими успеваемость 5, 4, 3 балла. Эти результаты приведены в табл. 3.

Данные таблицы показывают рост объема домашнего задания по английскому языку от 3 тыс. до 5 тыс. знаков на I—III курсах, что отвечает требованиям программы Научно-методического Совета по вузам при МВО УССР.

Таблица 2.

Курс обучения	Время, затраченное на подготовку домашних заданий (в минутах)			Всего
	Чтение и перевод нового текста	Выполнение лексико-грамматических упражнений	Подготовка пересказа пройденного текста	
I	35	30	26	91
II	35	24	21	80
III	32	22	21	75

Таблица 3

Курс обучения	Зависимость времени, затрачиваемого на выполнение домашнего задания, от уровня подготовки студентов		
	Затраты времени студентов с успеваемостью в 5 баллов	Затраты времени студентов с успеваемостью в 4 балла	Затраты времени студентов с успеваемостью в 3 балла
I	70	90	100
II	60	80	97
III	40	76	110

Анализ данных таблицы 2 свидетельствует, прежде всего, о повышении скорости чтения и перевода текстов с английского языка: за 35 минут студенты I, II, III курсов соответственно переводят 1100, 2 тыс. и 2600 знаков текста. Решающим фактором здесь является переход на II курсе к чтению и переводу узкоотраслевых текстов по математике, что, в конечном счете, более всего приближает нас к цели преподавания иностранного языка на неспециальных факультетах.

На выполнение лексико-грамматических упражнений приблизительно одинакового объема (750, 925, 850 знаков) на I, II, III курсах по данным эксперимента студенты затрачивают соответственно 30, 24 и 22 минуты, т. е. нет значительного повышения скорости в этом виде работы, а затраты времени относительно большие. Это объясняется неудовлетворительной системой упражнений, которые часто являются чисто грамматическими, не связанными лексически с содержанием текстового материала, что, например, имеет место в учебнике английского языка Л. С. Ямпольского, Г. П. Ятель, Е. Е. Реголянта.

Давно назрела необходимость привести систему упражнений в соответствие с требованиями современной методики преподавания иностранных языков: сделать их ситуативными, учитывающими тематику и модели текста, с четким разграничением учебного материала, предназначенного для пассивного и активного усвоения.

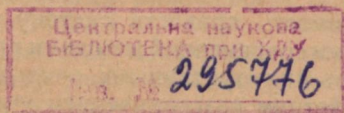

Студенты II и III курса по данным табл. 2 затрачивают на выполнение задания по аналитическому чтению на 11 и 16 минут меньше студентов I курса. Из табл. 3 видно, что студенты II и III курса с успеваемостью в 4 и 5 баллов выполняют домашнее задание на 14—30 минут быстрее первокурсников. Как указывалось выше, это связано с высокой скоростью чтения и понимания узкоотраслевых текстов по специальности. Для студентов старших курсов, таким образом, создается резерв времени для нового вида работы — реферирования текстов по специальности. Но экспериментальная проверка показала большие затраты времени на этот вид работы — 50, 60 минут. Современные учебные пособия по английскому языку для старших курсов, содержащие тексты по специальности, к сожалению не содержат, как правило, разделов, обеспечивающих создание навыков реферирования, аннотирования, рецензирования.

Анализ экспериментальных данных реальных затрат времени студентами на аналитическое чтение по английскому языку позволяет наметить некоторые меры повышения эффективности преподавания за счет совершенствования методики составления учебных материалов по иностранным языкам. Представляется необходимым вводить адаптированные тексты по специальности в качестве учебных материалов по аналитическому чтению, начиная с I курса, разрабатывать систему лексико-грамматических упражнений на основе речевых моделей изучаемого подъязыка. Кроме того, в учебных материалах для старших курсов желателен раздел, обеспечивающий выработку навыков рецензирования, аннотирования и реферирования текстов по специальности, что подводит студента к конечной цели обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Погорелова Р. В. Book on Mathematics. Киев. «Вища школа», 1971. 163 с.
2. Ямпольский Л. С., Ятель Г. П., Реголянт Е. Е. Учебник английского языка. Львов, Изд-во Львовск. ун-та, 1968. 345 с.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 159

Иностранные языки

Выпуск 10

Редактор *Л. В. Ковальчук*
Художественный редактор *А. С. Романова*
Технический редактор *Л. Т. Момот*
Корректоры *Н. С. Калинина, М. Ф. Христенко*

Информ. бланк № 1187

Сдано в набор 4. 01 1977 г. Подписано в печать 15. 03 1977 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. 7 усл.-печ. л. 7,9
уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Изд. № 404. БЦ 50039. Заказ № 7-6.
Цена 1 р. 19 к.

Издательство при Харьковском
издательском
310003.

Отпеча
публик
га» Гс
№ 16
фии
Зак. 74